

1493
#1794

Рос 4-4
7-624

№ 57.

СЕНТЯБРЬ 1924 года.

Цена 15 центов.

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
— СОЗДАЮЩІЙ.

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

СОДЕРЖАНИЕ:

Президентские выборы.

Итак, не будем же ни падать духом, ни обольщаться иллюзиями.

Преступление и наказание.

Строители нового Вавилона.

Анархизм и этика.

Анархии. (Стихотворение).

Киевская Лукьяновская каторжная тюрьма.

Сказка.

Клеветникам. (Стихотворение).

Анархизм и антисемитизм.

Бюллетень Об'ед. Ком. Защиты революционеров в России.

Мысли записанные Эмилем Анри перед казнью.

Отчеты и заявления.

А 1794
Рос 4-4
1-684

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
им. В. И. ЛЕНИНА

64-185

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ.

Потоки сладких речей, неумолкаемый скрип продажных перьев, кваканье и карканье разно-го политического воронья, все это — герольды начавшейся траги-комедии, именуемой президентскими выборами.

Такими представлениями угощают американского гражданина каждые 4 года. Это собственно не выборы и даже не цирковое представление, а скачки со всеми атрибутами тотализатора с той лишь разницей, что место участвующих в бегах лошадей в данном случае занимают люди, возымевшие непреодолимое желание выиграть гонку, дающую затем победителю право, в течение известного срока, ездить на спинах других людей.

Поэтому все бегут вразнос: президенты, конгрессмены, губернаторы и рыбака по-мельче, чтобы раньше других добежать до общественно-го пирога и стать его обладателем.

Вот поэтому сейчас шумят, гадают и кри-вляются разномастные политические дельцы перед глупой и невежественной толпой, заглядыва-ющей в зубы своим претендентам и разбираю-щей их по "косточкам", как это и полагается всем барышникам, покупающим товар.

Американские граждане "выбирают" для се-бя правительство. Они должны это сделать, ибо так требует их конституция. Без правителя-опе-куна "свободный" американский гражданин не может оставаться и одной минуты. Он лишь "свободен" избирать себе правителей, но не сво-боден отказаться от каких бы то ни было прави-телей и правительств, и совершенно обходиться без всех этих благодетелей.

Впрочем, наивного американского гражда-нина все его ставленники клятвенно уверяют, что они всегда выполняют "волю" своих изби-рателей. Но все это, разумеется, пустые, ничего незначащие слова, обман и надувательство.

Американские граждане, собственно говоря, никого не выбирают, а лишь голосуют. Канди-датов, за которых они подают голоса, назна-

чают так называемые, партийные машины, или, точнее говоря, — кучка банкиров и капиталис-тов, поддерживающих материальными средства-ми эти машины.

Эта публика собственно и является подлин-ными хозяевами выборов: она выставляет ряд удобных ей кандидатов и все что остается обык-новенному избирателю это — подать свой голос за того или иного ставленника, намеченного для занятия той или иной общественной должности помимо его, избирателя, ведома, воли и жела-ния.

Американская демократия очень напомина-ет систему откупов. Каждый кандидат, стреми-щийся занять ту или иную общественную долж-ность, покупает свое место, уплатив партии соот-ветствующую мзду. Самой дорогой считается долж-ность президента и продается она не деше-вле 8—10 миллионов долларов. Должность сена-тора тоже нередко стоит больше миллиона, чины же по-меньше продаются, конечно, дешевле.

Последствия такой "демократической" сис-темы вполне понятно легко предвидеть: чело-век, купивший себе должность, естественно стре-мится прежде всего выручить деньги, истрачен-ные на ее приобретение и кроме того, еще кое-что и заработать про "черный день".

А так как "трудом преведным не наживешь палат каменных", то приходится очевидно на-живать их трудом неправедным, т. е. попросту говоря грабить казну-матушку и брать взятки. И начиная от самой верхины правительствен-ной лестницы — президента — и кончая после-дней ее ступенькой — городовиком — вся аме-риканская администрация берет и дерет с живо-го и мертвого, с кого только может и сколько мо-жет.

Она покровительствует вору, грабителям, спекулянтам, контрабандистам, самогонщикам и нет такого чиновника, которого нельзя было бы купить за деньги и нет такого преступления, за которое нельзя было бы откупиться, если только

оно совершено достаточно богатым человеком.

Казнокрадство и лихоимство происходит у всех на виду, почти открыто. С какой стати прятаться и чего стесняться, когда все воруют в этот наш воровской век. Один бог без греха, а потому президент берет взятки, а зная это, ему подражают его министры.

Не так давно должны были уйти в отставку три министра, причем один из них действовал настолько небрежно, что не потрудился спрятать концы в воду и был уличен в получении 100.000 долл. взятки от нефтепромышленника Синклера.

В этой скандальной истории грандиозного расхищения нефтяных источников республики, собственно говоря, замешаны все высшие правительственные чины: не только министры, но и покойный президент Гардинг и нынешний президент Кулидж. Передача нефти Синклеру и До-гени произведена с ведома и одобрения президента и кабинета министров и, следовательно, всех их рыльце в пушку, и на добрый лад всех бы этих сторонников "закона и порядка" не мешало бы посадить в тюрьму, но этого не случилось и быть, конечно, не может.

Даже накрытый с поличным (конечно не правительством, но своими политическими противниками в сенате) министр Фолл, стотысячная взятка которому была доставлена из Нью-Йорка в Вашингтон в черном чемодане, все еще остается на свободе и о суде над ним что-то не слышно, а его коллеги по воровству, лучше спрятавшие концы в воду, как ни в чем ни бывало по-прежнему, играют значительную роль в своей партии, а президент Кулидж даже глубоко верит в то, что он останется победителем на предстоящих в ноябре месяце президентских выборах.

Нельзя сказать, чтобы американский народ равнодушно относился ко всему происходящему и не делал попыток положить конец этой оргии казнокрадства, взяточничества и гнили всего правительственного механизма. Попытки подобного рода делались и делаются, и если они не дали пока никаких результатов, то лишь потому главным образом, что усилия направлялись на бо-

рбу с последствиями, а не с самой причиной их вызывающей.

Недовольство главным образом существует теми или другими личностями, теми или другими партиями. Если республиканцы воры, то мы им покажем и выберем в следующий раз демократов. Но и эти последние ведь не лучше республиканцев и такие же взяточники и воры.

В таком случае надо искать людей более честных и порядочных, надо призвать к власти социалистов. В некоторых штатах так и поступили: начали избирать на общественные должности социалистов. На предвыборных собраниях эти люди очень много говорили, очень много обещали, но, очутившись у общественного пирога, они забывали все свои обещания и заботились только о том, как бы побольше заработать на своей службе.

В социалистах так же разочаровались, как и в других партиях. Честного правительства эти люди не могут создать, да его и не может быть и никакая партия его не создаст.

Не создаст такого правительства и сенатор Ля-Фолет. Может быть сам он и честный человек, но что может сделать один праведник в вертёпе воров и разбойников, каковым является всякое организованное правительство.

Его кампания против обеих старых партий может быть прольет некоторый свет на темные дела этих партий, исключительно служащих интересам имущих классов, но и появление партии Ля-Фолета у власти несколько не изменило бы существующего порядка вещей. Все разговоры этого нового "спасителя" демократии о суверенитете воли народа над конституцией и правительством не более как предвыборные мыльные пузыри.

Ни одно правительство никогда не считалось с волей народа и не интересуется даже знать ее. Политики никогда не спрашивают у народа — кого и чего он хочет, а просто говорят ему — делай то-то и то-то, подавай свой голос за такого-то кандидата, плати столько-то податей, ступай воевать и т. д.

Каждое правительство считает свою собственную волю почему-то волей народа, каждый чинуша считает себя маленьким царьком, воле

которого все должны подчиняться. И в этом отношении Ля-Фолет не может быть исключением. Он хочет быть президентом, чтобы управлять страной по своему разумению и хотению, а не для того, чтобы выполнять волю народа.

Да разве кто может узнать эту волю, или можно ее выразить посредством подачи клочка бумаги с крестиком в соответствующем месте? Все это ведь не выявление какой-бы то ни было воли, а фикция, самообман и в лучшем случае — пустая игра в политику.

Самое жалкое впечатление в этой предвыборной комедии производят американские коммунисты. Этим людям кажется не верит не только посторонняя публика, но даже свои собственные члены партии.

Горсточка коммунистов, алчущая и жаждущая, как манны небесной, власти, мечется точно угорелая, не находя себе ни места, ни пристанища. Пробовали было коммунисты примазаться к Ля-Фолету, но этот буржуа-сенатор не пожелал разговаривать с этими беспринципными людьми.

Проглотив эту неприятную пилюлю, коммунисты повели предвыборную кампанию на свой страх и риск. Собственно никакой кампании и нет, ибо нет публики, которая слушала бы коммунистов, и поэтому орудуют, сами себя номинируют и самих себя агитируют разные подозрительные типы, состоящие на издвигении Москвы.

Хотя русский мужик пухнет с голода, но это не мешает Третьему Интернационалу снабжать американских коммунистов значительными средствами на содержание здесь разных Фостеров, Руттенбергов, Скот-Нирингов и тому подобных господ, восхваляющих советское правительство.

Но что вся их предвыборная болтовня является совершенно напрасной тратой времени и средств, — в этом убедились даже сами некоторые американские коммунисты.

В последнее время Централка исключила из коммунистической партии всю Чехо-Словацкую Федерацию за ее решение поддержать на выборах кандидатуру Ля-Фолета. Чехо-словацкие коммунисты нарушили таким образом решение

центра, требовавшего поддержки своих коммунистических кандидатов, неимеющих конечно никаких шансов на избрание.

На этой почве среди американских коммунистов разгорелась ожесточенная война: центр не ограничился одним исключением, но и требует от чехо-словацких коммунистов возвращения ему "имущества". Москва очевидно ухлопала не мало денег на создание организации чехо-словацких коммунистов, но последние "имущество" вернуть отказались. — Чеки нет здесь, и поэтому "отлученные" поспевают себе в кулак над "глухими москалями".

Не в последний раз мы еще присутствуем при президентских и иных выборах. Вековечные предрассудки изживаются не скоро. Подавляющее большинство людей все еще верит в необходимость существования правительства. Им и в голову не приходит мысль о том, что правительство — совершенно ненужная вещь и что люди могут жить без царей, президентов, диктаторов и самодержцев, как это было раньше, до появления организованных государств.

Чиновники и правители никого хлебом не кормят, ничего своими бумагами не создают и только пожирают и загребают то, что производится мозолистыми руками всех трудящихся. Правительства не способствуют улучшению жизни, а являются препятствием ее развитию.

Всякое правительство норовит воспользоваться чужим трудом и, по природе своей, является антисоциальным, противосоциальным, паразитическим элементом. Оно существует не по воле народа, а вопреки этой воле, и главная его задача состоит в том, чтобы всегда подавлять эту волю и не дать ей свободно выливаться себя.

Правительства организуются и существуют, главным образом, для утверждения господства кучки богачей и капиталистов над миллионами эксплуатируемых ими трудящихся. Не этих последних охраняют и защищают правительства, а банкиров, купцов и богатых людей. У бедняков ничего охранять и им не нужны никакие правительства.

В России правительственная машина существует для охраны комиссаров, измывов, и це-

лой плеяды советской бюрократии. Бедняки не нуждаются в защите чрезвычайок, беднякам не нужны никакие правительства.

Большевицкая власть обладает всеми теми пиянами и скорпионами, как и всякая другая власть. И сколько бы большевики ни распинались за "интересы" пролетариата они все-таки не сделают самого главного, — т. е. не слезут со спины рабочего.

И мы поэтому говорим всем трудящимся и угнетенным:

Не питте себе правителей, ибо все они — старые и новые — закуют вас в цепи, наложат на вас ярмо рабства.

Не голосуйте ни за республиканцев, ни за демократов, ни за социалистов, ни за коммуни-

стов, ибо все эти партии и лица хотят господствовать над вами, хотят стегать вас своим партийным кнутом.

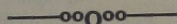
Бойкотуйте все политические партии, всех политиков и не позволяйте им обманывать вас своими красноречивыми, лицемерными и живыми речами.

Угнетенные, обиженные и эксплуатируемые, собирайтесь в мощную рать, под черное знамя анархии, на борьбу с капиталом, государством и властью!

Разрушите эти твердыни своим богатырским натиском, и только тогда человечество заживет счастливой и свободной жизнью!

Сентябрь 1924 г.

U. S. America.

ИТАК, НЕ БУДЕМ ЖЕ НИ ПАДАТЬ ДУХОМ НИ ОБОЛЩАТЬСЯ ИЛЛЮЗИЯМИ.

Жан Грав.

Тов. Буше, в письме, опубликованном в последнем выпуске нашего издания, развивает ряд не лишенных интереса соображений, из коих явствует, как будто бы, что все наши усилия затрачиваются втуне, во имя идей, которые если и не лишены некоторых шансов на конечное торжество, то все же обладают столь малой притягательной силой, оказывают столь незначительное воздействие на широкие массы, что даже в тех случаях, когда масса принимает данные идеи в качестве своего политического и социального *credo*, она остается тем же, чем и была, т. е. комплексом глубоко-эгоистических индивидов, толкующих беспрестанно о солидарности, не умея и не желая осуществить на деле этот великий принцип.

"После стольких усилий и жертв человечество осталось тем же, чем и было. Ничто не изменилось ни в индивидуальной психологии, ни тем паче в области социальных отношений. Верящиеся ежедневно революции потому именно

о оказываются столь плачевно мертворожденными, что духовное естество человека не находится в соответствии с возмещаемой нами идеей. И невольно возникает вопрос — разумно-ли в таком случае, отдавать все силы на служение делу того *мечтаемого* нами преобразования общества, которое могло бы быть выполнено только *временем* — если вообще оно когда либо станет осуществимым..."

В этих немногих словах отражена с достаточной полнотой основная мысль нашего товарища. И если с одной стороны он приветствует тех, кто подобно мне, не взирая на все разочарования и трудности, с непоколебимой настойчивостью и упорством продолжает вести столь бесплодную, казалось бы, пропаганду, то в глубине души он все же убежден, что все мы, в действительности — не более как питающиеся иллюзиями мечтатели, от чьих взоров, затерянных в туманных даях грядущего скрыта суровая и трезвая реальность сегодняшнего дня.

"Грав и Кропоткин", прибавляет тов. Буше, "возможно, никогда не соприкасались непосредственно с трудящейся массой — ибо в противном случае они вряд ли сохранили бы свои иллюзорные надежды на то, что пролетариат может внезапно очиститься от всех пороков и предрассудков, привитых ему в процессе эволюции человечества..."

Подобное состояние ума отнюдь не представляется нам чем либо необычным и характеризует не только автора цитируемого здесь письма. Напротив — оно является скорее преобладающим среди всех тех, кто оставил движение и "удалился на покой" после более или менее продолжительной и стойкой борьбы. Эти "отставные ветераны анархизма" хотя и не отреклись окончательно от своего прежнего идеала, но все же настроены до известной степени скептически в вопросе о возможностях его осуществления; ибо они невольно "усомнились и пали духом", видя, что столько героических, самоотверженных попыток привели к столь незначительным результатам.

Нет, мы не наивные мечтатели и не фанатики; мы не питаем никаких иллюзий насчет достигнутых нами результатов или величия предпринятой нами попытки. Единственное, к чему мы стремимся — это видеть вещи в истинном свете.

Причина той разочарованности и пессимизма, к которому пришли тов. Буше и его единомышленники, заключается в том, что большинство из них вступили в движение, обремененные надеждами и чаяниями, которым, конечно же, не суждено было сбыться. Мне вспоминается та "юношеская" пора анархизма, когда немногие из наших соратников не верили твердо в то, что мы "накануне революции", которая потребует не более "нескольких лет", после чего на нашей многогрешной планете наступит безмятежный и прочный "золотой век"... Всякий, кто попытался бы доказать, что подобные чудесные метаморфозы не совершаются с такою головокружительной быстротой, прослыл бы равнодушным, или, пожалуй, даже "пораженцем" — если бы только в то время существовал этот крылатый эпитет...

С своей стороны я никогда не верил и не

верю в то, что революция ожидает нас у порога, как не верю в то, что трудящиеся якобы "заброшены" от всех "буржуазных" пороков и являют собой олицетворение добродетели. Пролетарины, как и буржуа, суть прежде все люди и, следовательно, — продукт окружающей среды и крайне медленной тысячелетней эволюции. Они таковы, какими их сделало воспитание и обстоятельства, при которых протекал процесс их развития.

Рабочий класс обладает, несомненно, всеми достоинствами буржуазии точно также как последней присущи все недостатки пролетариата. Больше того — проявления дурных сторон человеческой природы принимают порой в пролетарской среде гораздо более резкую, оскорбляющую наше нравственное и эстетическое чувство форму, так как грубость порока здесь не смягчена тем специфическим лоском воспитания и культуры, который составляет подлинное и неотъемлемое "преимущество" буржуазии. Единственная заслуга трудящихся — и заслуга не малая — заключается в том, что они являются классом **производительным**, тогда как буржуа не производит ничего, или, в крайнем случае, — очень мало.

Все люди одинаковы, в какой бы стране они ни родились и к какому бы классу ни принадлежали. Каждый из нас представляет собой некое "смешение" положительных и отрицательных качеств, "комбинация" которых может, однако, варьироваться до бесконечности. У одних преобладают определенные достоинства и недостатки, у других — другие; но **средний** уровень широких масс остается повсюду один и тот же.

* * *

Наследственность, среда, воспитание, климат — таковы важнейшие условия, под влиянием которых складывается духовный и физический облик индивида. Наряду с этим, однако, известное воздействие оказывают также различные другие факторы, чем и обуславливается, по существу, самая возможность прогресса. В **некоторых** случаях развитие личности, в силу тех или иных причин, идет **вразрез** с условиями наследственности, воспитания и среды. Эти-то независимые, "бунтарские" натуры и пополня-

ют — по крайней мере, частью — ряды наших лучших борцов; благодаря таким, именно, сильным, самобытным индивидуальностям растет и укрепляется братский союз пропагандистов, своей жизненной задачей поставивших воздействовать на тех, кто пассивно приемлет существующий общественный строй.

Нужно заметить, однако, что примыкающие к нам "новобранцы" руководятся мотивами весьма разнообразного свойства. Если одними движет искреннее тяготение к справедливости, глубокая ненависть к угнетательству и деспотизму во всех его проявлениях, то другие, в противоположность этому, исходят из побуждений далеко не столь возвышенных, следуя голому инстинкту тщеславия, вдохновляясь стремлением **возвыситься** над окружающей их средой.

Многие — как это практикуется среди профессиональных политиков — вступают в наши ряды с целью "поиграть в оппозицию", надеясь, что таким путем им удастся скорее обратить на себя внимание тех, против кого они якобы объявляют крестовый поход.

Находятся, наконец, и такие элементы, которые "ненавидят" эксплуатацию лишь постольку, поскольку **они лично** являются ее объектом; поносят власть потому, что ее действия расходятся с **их личными** интересами; и если обьявляют себя анархистами, то лишь по той причине, что им не посчастливилось попасть "по ту сторону баррикад", в лагерь своих более удачливых противников, сиречь "конкурентов"... Не приходится удивляться тому, что подобные "ревнители" анархизма дезертируют из наших рядов, как только утрачивают свои "юношеские иллюзии", иначе говоря — едва только им предоставляется возможность получить местечко среди своих вчерашних "врагов". Неудивительно также и то, что в период своего мнимого "служения" нашему делу они злоупотребляют доверием товарищей, чтобы всячески их эксплуатировать и обманывать. Все это не выходит за пределы возможного — и вместе с тем не дает нам никакого основания полагать, что человечество не в состоянии измениться к лучшему, в виду того, что из недр его вышло несколько жуликов и прохвостов.

Скажу больше: даже среди этих "ренегатов", использовавших оказываемое им доверие, чтобы обмануть и предать своих товарищей, встречаются нередко люди, которые **вполне искренно** примкнули к нашему движению и в свое время действовали как нельзя более добросовестно и чистосердечно.

Не следует только забывать, что мы живем в условиях современного нам общества, со всеми его искушениями и соблазнами; что все наши идеи справедливости, равенства и солидарности относительно недавно были усвоены нашим сознанием, между тем как чудовищным бременем тяготеет над нами наследие долгих веков угнетения, лжи и притворства, воздействуя, в конце концов, на слабую волю тех малодушных, которые не в силах противиться золотому миру.

Социальная среда, в условиях которой мы существуем, образовалась, как и мы сами, в результате многовековой эволюции, тогда как идеи наши принадлежат не далее как вчерашнему дню и за немногими исключениями оставили лишь весьма поверхностный отпечаток в индивидуальном сознании. Неудивительно, что некоторые из наших товарищей поступают иногда не лучше тех, кого они накануне осуждали с таким жаром. Все это ни в каком случае, повторяю, не может служить доказательством того, что человечество и в будущем не в состоянии будет хотя бы отчасти преобразиться.

Многие, я знаю, отрицают такую возможность в корне. "Грандиозный процесс", говорят они, "которым отмечена наша эпоха, ограничивается исключительно областью науки и индустрии, в моральном же отношении современный человек недалеко ушел от того, чем он был 2000 лет тому назад. Проповедуя на все лады добро, справедливость, солидарность и прочие "истины", он все так же лукав, деспотичен и свиреп, так же эксплуатирует, без зазрения совести, своего ближнего **законным** путем, когда к тому предоставляется возможность, и обирает его **незаконно**, поскольку он рассчитывает ускользнуть от "карающей" руки правосудия".

В качестве доказательства приводятся религиозные изречения и цитаты из древних фило-

софов, дабы мы могли "воочию" убедиться в том, что провозглашаемые нами истины высказывались неоднократно, много веков тому назад.

Утверждение это, в известном смысле, справедливо, но оно становится ложным, поскольку ему придается слишком абсолютный характер.

И допускаю, что идеи справедливости, гуманности и свободы намечались уже в глубокой древности, но в то время они составляли достояние незначительной горсти мыслителей, не пользовавшихся никаким влиянием на широкие массы, да к тому же и выражены были они до такой степени туманно и неопределенно, что даже для провозвестников этих идей они оставались своего рода "праздной утехой ума". Что касается идеи власти, то в принципе таковая никем не оспаривалась. Единственное требование, какое предъявлялось к правителям и власть имущим — это быть несколько мягче в отношении эксплуатируемого ими народа. Когда же угнетенные массы, доведенные до отчаяния непомерными притеснениями и нищетою, восставали против своих поработителей, ими руководило отнюдь не ясное сознание своих прав и стремление добиться их признания, а скорее жажда мести за перенесенные страдания и гнет.

Переходя к вопросу о религии, заметим, что если некоторые основоположники ее и проникнуты были духом подлинного милосердия и любви к ближнему, то в действительности они оказали этому ближнему очень плохую услугу, вместе того, чтобы раскрепостить его, как они того хотели. Ибо проповедавая покорность и смирение перед волей несуществующего бога, уча переносить безропотно все испытания земной жизни, дабы удостоиться впоследствии приятия в лоно весьма гадательного "рая", они тем самым в гораздо большей степени способствовали укреплению эксплуатации и деспотической власти, нежели ее заведомые защитники и апологеты.

Нами, действительно, всегда управляли, нас эксплуатировали. "А раз так", заявляют сторонники неизбежности существующего порядка, "значит, помогая химерическим преобразованиям, вы, очевидно, напрасно теряете время!"

Очевидно-ли? — Нами управляют, нас эксплуатируют, нас все еще вынуждают просить

нашей доли благосостояния и свободы, но утверждать на этом основании, что никакие перемены не имели и не имеют места — значит ударяться в чересчур крайний парадоксализм.

Не во гнев господам защитникам существующего порядка, мы являемся свидетелями грандиознейшего сдвига не только в социальных отношениях, но и в умах.

* * *

Правда, мы все еще находимся в подчинении у Власти, но зато мы систематически урезаем ее привилегии. Не довольствуясь больше критикой ее действий, мы оспариваем самое право ее на существование. Отказавшись по необходимости от теории своего "божественного происхождения", власть вынуждена искать опору в признании и поддержке тех, кого она угнетает. Теперь она уже не что иное, как выявление их воли. Разумеется, это ложь, но в то же время здесь скрывается фактическое отречение от самого принципа Власти, здесь утверждается истина, которая рано или поздно должна найти общее признание...

Эксплуатация попрежнему тяготеет над трудящимися, но гнет ее несколько смягчен и ослаблен. Недавний раб превратился последовательно в крепостного, в *main-mortable* *) и, наконец, в свободного, политически - полноправного гражданина. Споры нет, права эти пока что не принесли ему особенной пользы, но все же благодаря им он постепенно приходит к осознанию того, в чем скрывается источник терзающих его зол, и где лежит путь к окончательному раскрепощению.

Все это еще крайне туманно и осознано очень немногими — но это не важно: идея зародилась, она существует! Будем же работать над ее распространением и укреплением, памятуя, что и другим идеям пришлось выдержать продолжительную, многовековую борьбу, прежде чем они были приняты обществом; что и у них были свои моменты кризиса и упадка — и что

*) Так назывались крепостные "вышей категории", закрепленные за определенным лицом, которое лишено было права перепродавать их в другие руки.

(Примеч. переводчика).

они, в конце концов, победили, так как всегда находились люди, которые посреди смятения и разгрома не теряли веры в свое дело и продолжали настойчиво призывать к принятию своих идеалов, хотя призыв их, казалось, терялся в пустые общего равнодушия. Ибо будущее принадлежит тем, кто в своем упорстве и стойкости не знает отчаяния...

* * *

В пользу анархизма говорит очень многое, помимо приведенных выше доводов, но это не объясняет нам той медленности, с какою распространяется наша идея. В этом отношении достаточно указать на тот разительный контраст, который представляют основные принципы анархии по сравнению со всем, что существует и существовало веками.

Приемлема ли для нашего сознания мысль, что люди могут жить в обществе вне привычных рамок норм, вне закона и власти, производить и потреблять без взаимной эксплуатации — между тем как за все время существования человечества мы не знали ничего, кроме деспотизма и обирательства, причем сильные, не взирая на все защитительные законы, неизменно угнетали и эксплуатировали слабых.

Неудивительно, что, развивая упомянутые концепции анархизма, мы производим, в первый момент, впечатление людей, которые бредят во сне. Такого мнения о нас придерживаются не только лица, считающие настоящее положение вещей нормальным и непреложным, но нередко и те, кто, признавая ненормальность существующего порядка, возмущены к сожалению, ложное представление об анархии, как о безудержном стихийном хаосе, какой воцарится неизбежно после падения власти.

Только после продолжительной умственной борьбы, после строгого критического анализа всех существовавших и существующих форм общества, мы приходим к прозрению той неприглядной для нас истины, что общество без "хозяйина" есть, в конце концов, не такая "химера", как это может показаться на первый взгляд.

Наряду с тем имеется и еще один существенный фактор, тормозящий пополнение наших ря-

дов.

Дело в том, что рядовой индивид, за весьма редкими исключениями, не в состоянии вести жизнь, исполненную вечной борьбы. Даже у самых искренних сторонников нашей идеи бывают минуты усталости, когда они как будто бы утрачивают свой воинственный пыл. Существуют ведь еще и вопросы повседневной, будничной жизни, вопросы хозяйственные, вопрос постоянной борьбы за существование. Для многих с течением времени становится утомительным систематическое посещение собраний, кружков и дискуссий к тому же далеко не всегда в достаточной степени интересных. Все чаще они предпочитают оставаться в кругу семьи и, мало-помалу, утрачивают активную связь с движением. Увязнув окончательно в тине будней, они если и не отрекаются от своих прежних верований, то все же невольно заражаются тем мелким житейским пессимизмом, результатом которого является полнейшее равнодушие ко всем нашим усилиям и попыткам — ибо последние проводятся во имя идеи, осуществление которой представляется им делом слишком отдаленного будущего.

Порою некоторые из них получают как бы новый толчок. На улицах, во время манифестаций, когда умы потрясены каким-либо исключительным положением, появляются полубезымянные лица, давным-давно исчезнувшие, казалось бы с горизонта движения. По миновании "ветряски" они, конечно, снова стушевываются, но их появление все же свидетельствует, что в них сохранилось еще несколько искорок былой энергии, которые разгораются ярким пламенем, едва обстоятельства начинают намечаться "революционная" ситуация.

Все это вполне нормально и, так сказать, "свойственно человеку", да и нельзя требовать от людей больше того, что они могут дать.

С своей стороны я скорее поставил бы в вину большинству из них слишком полное отсутствие интереса к тем начинаниям, которые предпринимаются другими.

Что они потеряли охоту, или не имеют достаточно сил, чтобы попрежнему жертвовать собою — это я допускаю, но отсюда вовсе не сле-

дует, что они должны утратить всякий интерес ко всему тому, что совершается во имя идей, которые они сами же в свое время усердно распространяли, и в которые они продолжают искренно верить?.. Им хорошо знакомы те трудности, с какими приходится бороться их недавним соратникам, которые остались верны начатому имп делу: они знают, что наиболее существенной из всех этих трудностей является недостаток в денежных средствах. И если у них нет ни сил, ни желания поступаться всеми своими личными интересами — отчего же в таком случае не прийти на помощь своим кошельком, чтобы поддержать дело успешной и энергичной пропаганды? — Вот что представляется мне совершенно непостижимым!..

* * *

Тов. Буше упоминает мимоходом о "Священном Союзе" и о тех велегрозных обещаниях, которые так щедро расточались правительством во время последней войны. Пример этот, однако, неудачен.

Поскольку правительство и капиталисты, для организации обороны, нуждались в дружественном содействии трудящихся, они апеллировали к их добрым чувствам солидарности и единства, обещая сделать все возможное для скорейшего улучшения их быта. После победы все эти обещания, разумеется, были забыты, но нужно признать, что, организовав свою реакционную политику, капиталисты отнюдь не вышли из своей обычной роли и традиций. Ибо это всегда было их обыкновением призывать трудящихся на борьбу с различными трудностями, чтобы впоследствии присвоить себе, путем различных уловок и хитростей, плоды одержанной **другими** победы.

Ошибкой рабочих было то, что они приняли все эти обещания за чистую монету и не потребовали серьезных гарантий. Правительство, напуганное огромной и все растущей популярностью, которую приобрели за последние 30 лет идеи анти-милитаризма, желало обеспечить себе содействие социалистических и рабочих организаций. Последним, в виду этого, надлежало потребовать активного участия в управлении и предоставления им права частичного контроля.

К сожалению, руководители данных орга-

низаций, как и их рядовые члены, не предугадали и не учли тех широких возможностей, какие несла с собой создавшаяся ситуация. Они действовали на веру, без достаточно надежных гарантий. Результат оказался такой, какого и следовало ожидать: обман.

* * *

В дальнейшем изложении тов. Буше ссылается также на пример американских кооперативов, перешедших из рук участников в руки одного лица, сумевшего каким-то образом обобрать своих не в меру доверчивых коллег. К несчастью, подобные явления имеют место не только в Америке, а наблюдаются, в известной мере, повсюду.

С таким же основанием можно было бы говорить о других организациях, где соперничество и взаимное недоверие членов достигает такого развития, что даже лица, вступающие с самыми лучшими намерениями в их ряды, поневоле разочаровываются и падают духом. Доказывает ли это что-либо? Отнюдь нет, так как подобные недочеты могут быть отнесены на счет того неизбежного риска "потери", который свойствен, по общему правилу, всякой борьбе. Неудача этих попыток, проведенных в малом масштабе, не доказывает еще их принципиальной неосуществимости, точно также как удача не могла бы служить доказательством возможности успеха, при повторении того же опыта в значительно большем масштабе. Все эти организации, вообще говоря, полезны, как намекающие и указующие вехи, как ячеики предугадываемого нами будущего общества, но делать на этом основании какие бы то ни было выводы *pro* или *contra* было бы, без сомнения, преждевременным.

Как уже было отмечено выше, далеко не все, примыкающие к нашим рядам, исходят исключительно из идей справедливости, солидарности и братства. И даже в среде наиболее искренних элементов новые идеи не искоренили еще без остатка старых воззрений и, в свою очередь, не пустили достаточно прочных корней, чтобы преобразовать совершенно старое "я" индивида. Нужно ли удивляться, если под давлением известных обстоятельств, это "я" вновь

одержит победу?

Необходимо, равным образом, иметь в виду, что при работе в сокровенных недрах социальной среды, поминутно затрагивающей наши худшие, эгоистические инстинкты, только вполне установившиеся и волевые натуры могут противиться ее деморализующему влиянию и соблазнам.

Индивидуальное предательство есть случайность, которую можно и должно предвидеть, против него необходимо заблаговременно принять свои меры, ибо это не более, как одно из необходимых условий борьбы.

Я знаю, что аргументация моя возвращается как бы в порочном кругу. — "Человек дурен, ибо условия социальной среды, в которой он существует, способствуют развитию в нем эгоизма и различных пороков, вместо того, чтобы укреплять в нем чувства справедливости и братства. Изменить духовный облик человека можно только с изменением социальных условий. Для создания же этих новых условий мы должны обладать всеми положительными качествами, какие необходимы для сформирования соответствующей моральной среды..."

Противоречие это, однако, только кажущееся, так как дух справедливости, солидарности и братства действительно существует, хотя, быть может, у различных индивидов он и выражен не в одинаковой мере. Если же эти чувства, порой, атрофируются совершенно, то это бывает только в тех случаях, когда жизненные условия, необходимость найти выход из тяжелого положения, чтобы спасти свою жизнь, вынуждают нас прибегнуть к хитрости, эгоизму и лжи.

На долю пропагандиста выпадает нелегкая задача уяснить то положение, что только нашими

собственными усилиями может быть достигнута изменение окружающей нас среды. Ибо при настоящих условиях мы слишком часто бываем вынуждены давать волю нашим худшим инстинктам, нам слишком часто приходится бороться за наше благополучие, за свободу, за самое существование — и все это до бесконечности, без малейшей надежды на улучшение.

С другой стороны, слишком многие из нас страдают от современных социальных условий, и истина эта, рано или поздно, должна быть понята всеми. Наша роль, таким образом, сводится к ускорению этого, несомненно реального, но несколько медленного воспитательного процесса.

Заметим только, что абстрактных идей оказывается недостаточно для того, чтобы заинтересовать широкие массы. Необходимо предоставить известную пищу их активным способностям, поскольку нам желательно, чтобы интерес их был более устойчивым и прочным.

Нами благополучно изжит тот период, когда наша малочисленность, да и самая юность нашей идеи, заставляла нас ограничиваться ее теоретическим обсуждением. В настоящем нам более чем когда либо надлежит позаботиться о ее проведении в жизнь.

Поскольку массы стремятся к освобождению, они должны уяснить себе до конца, что им предстоит период длительной и суровой борьбы, что раскрепощение не может прийти извне, или через других, но может быть достигнуто лишь как результат их собственных усилий и воли. Им самим предоставляем мы разрешить вопрос — способны ли они вести такую борьбу, или предпочитают влачить жалкое существование под ярмом деспотизма и нищеты.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ.

А. А. Карелин.

Если бы на земном шаре существовали одни только, так называемые, цивилизованные государства, если бы не было так называемых диких народов, то преступлением называли бы запрещенное законом действие. Но много еще на земном шаре дикарей и полудикарей и даже в настоящее время преступным деянием называется то, что не нравится кому либо из группы правителей или то, что не нравится всей этой группе. И вот за такое то деяние "преступники" подвергаются наказаниям, то есть, разным мучениям.

В некоторых случаях стремление наказывать за преступные деяния ведут к тому, что людей "наказывают" и наказывают свирепо за деяния, явно несправедливые. Так, например, казнится смертью сын отца, враждебно относившегося к данному правительству, казняются люди за то, что готовили хмельные напитки или за то, что свободно (устно или печатно) высказывают свое мнение о деятельности тех людей, которые стоят у власти. Бывает и более нелепый произвол и он — произвол этот — опирается на называемый законом произвол, по которому чиновник определенного ведомства получает право наказывать людей, совершивших деяния, которые этот чиновник считал несогласными с желанием его правительства.

Но в цивилизованных странах мы встречаем громадный произвол в указаниях закона и зачастую отвратительные с нравственной точки зрения поступки, поощряются или предписываются, а не запрещаются законом. Так, например, закон предписывает самым зверским образом убить (распять, зарезать, задушить, расстрелять, сжечь и прочее) преступника и называет такое подлое убийство не убийством, а смертной казнью. Закон карает человека, отказавшегося убивать других зачастую прекрасных, людей, и карает такого человека смертью, так как правителю какой либо страны захотелось объявить войну правителям другой страны. По закону более или менее жестоко наказывается грабитель, но лицемерный закон, карает тяжким наказа-

нием тех граждан, которые оказывают сопротивление наиболее дерзким и вредным грабителям, каковыми являются всевозможные сборщики податей во всех государствах. Если кто либо осмелился посадить хотя бы явного "преступника" в отдельное помещение и не выпускать его оттуда в течении месяцев или лет, тот был бы объявлен ужасным преступником, а государство, то есть, правители, постоянно и безнаказанно совершают такие преступления и годами мучают своих "преступников" в своих злодейских тюрьмах.

Приказывая казнить преступника, закон, по глупости законодателей, зачастую казнил за такие деяния, казнить за которые подло и нелепо. Так, например, свирепо наказывались и убивались по закону лица, евшие на Руси телятину, курившие табак, пившие чай, смертью казнили недостаточно, по мнению начальства, быстро ездивших почтовых ямщиков. Смертью казнили за кражу нескольких копеек, за кражу продовольственных карточек, а в западной Европе за напечатание книги и за немыслимое преступление — за знакомство с чертом.

Нет особой надобности перечислять здесь особо свирепые и дикие виды наказаний. Замечу только, что и теперь, карающие правители мучат людей в одиночках, в самых ужасных тюрьмах, в местах ссылки, где люди мучаются и теряют здоровье, благодаря невозможному для человеческого существа климату.

* * *

Что такое закон, карающий так называемых преступников? Нужно-ли, говоря вообще, наказание? Или же карающий закон и наказания являются только пережитками первобытной мести первобытных дикарей?

Говорят, что карающий закон необходим, говорят очень многие, но, ведь это не доказательство необходимости такого закона. Очень многие говорят, что необходимо поститься по средам и пятницам, многие говорили, что еретиков (то есть, иначе мыслящих в религиозных вопросах) надо жечь на кострах, а теперь гово-

рят, что надо мучить и убивать политических еретиков, мыслящих не так, как мыслят правители. Мало ли что говорят!

Закон, это — воля правителя, так или иначе опубликованная, при чем невероятно лицемерно или невероятно глупо, вопреки очевидности, предполагают, что эта воля во всех случаях и всех должна быть известна. Еще чаще, закон, это — воля не одного, а нескольких правителей, считающихся с теми группами населения, на которые они опираются и выражающих волю этих групп. Если же разум и совесть других групп населения считают какой-либо из законов глупым и диким, законодатели обычно не считаются с такими взглядами, за что только иногда заменяются после народного возстания другими тоже глупыми законодателями.

Постоянно издаются глупые, нелепые, беззастенчивые законы и вся жизнь людей слагается невозможно глупым, а нередко и подлым, образом. Обыватель искренно считает какойнибудь закон (хотя бы, например, закон, убивающий свободу слова) вопиющей нелепостью, но его наказывают, если он смеется над этой нелепостью.

Где имеется закон, там имеется более или менее грубое насилие, там царит принуждение, там нет уважения к человеческой личности, так как она оскорбляется самым низким организованным насилием.

Совесть не позволяет говорить о насилии открыто и люди лицемерят: вместо того, что бы сказать: "Иван Петрович приказал резать Алексея Семеновича или приказал вышибить пулями мозг Сергея Григорьевича" — говорят: "преступник Алексей Семенович был подвергнут смертной казни".

Уголовный закон, это — меч в руках сильных групп населения. Этот меч держат в своих руках и бьют им, когда хотят, правители. Юстиция, это учреждение для самого дикого насилия и за глуповато-хитрыми лицами судей мелькают тупые и злые лица палачей и тюремщиков.

В человеческом общении всегда шла борьба групп за власть и могущество. Путем насилия, при помощи пули, палки и тюрьмы, на более слабых налагалось тяжелое ярмо. Всякая право-

вая система преследовала и преследует не благо масс, а пользу правителей и лиц, которых не могло обмануть и которых побаивается правительство.

О благе масс не стоит и говорить здесь: на насилие и принуждении благо масс не может быть устроено. Благо масс требует, чтобы насилие не было: для того, например, чтобы не было воров нужно не насилие, а всенародная коммуна, на которую нет и намек в буржуазном обществе или при строе государственного капитализма. Нельзя благо народных масс основывать на государственном принуждении, как нельзя благо рабов основывать на системе пыток.

Кем является всякий судья? Прежде всего, это — грубый насильник, подстрекатель тюремщиков и палачей. Каждый судья жесток до дикости. Он так глуп, что зачастую не понимает своей жестокости и так глуп, что не понимает, что делает, осуждая на годы тюрьмы или на смерть "преступника". Этот глупец не понимает, что, осудив на годы тюрьмы "преступника", он осуждает на лишения, нередко на годовую, на смерть от истощения ни в чем неповинных людей — жену и детей осужденного. Судьи, это — злые зверюшки.

Надо помнить, что судья применяет всякий закон, в том числе и подлый и счета нет подлым законам. Несмотря на сказанное, судьи (за исключением, может быть, одной России) пользуются почетом. Но это ничего не доказывает. В почете бывали в разных странах и в разное время и палачи. Было время, когда палачами были цари, вельможи, первосвященники (например, у евреев). В Америке шерифы исполняли подлую обязанность палачей. Неудивительно, что подстрекатели палачей — судьи — находятся в почете у буржуазии. Более, чем часты свирепые правители. В середине века они любовались на пытки. Пытали правители и убивали людей за то, что они не верили или за то, что они по своему верили в Христа, в Аллаха или в Иегову. За то, что люди веровали по своему разумению, правители жгли их огнем, мучили раскаленным железом, ломали кости, резали, кололи, всяческим образом причиняли людям невероятные страдания, всячески уродовали людей. Невероятное

зверство проявляли господа судьи как проявление его и в наше время.

А в наше время, чем являются судьи? Даже кроткий Лев Толстой не мог не осудить судью. "Вор, — говорил он, — за три рубля вещь продает. Судья за несколько полтинников жизнь человеческую продает. Вора мы браним, презираем, прогоняем. А судью мы принимаем и за стол сажаем. Странно! А, ведь, если кого в шею вытолкать, то этого (судью)". Какой то неуменный господин, который услышал эти слова Толстого, заметил, что судье бывает неприятно приговаривать к смертной казни, на что Лев Николаевич заметил, что это только доказывает, что судья продает свою совесть. Бывают, впрочем, и такие судьи, — глубоко не нормальные люди, — которым приятно приговаривать к смертной казни, от которых на версту несет трупным запахом, а они — эти судьи — прекрасно себя чувствуют. Это несчастные нравственно помешанные, как нравственно помешанными являются законодатели, предписавшие карать смертью десятки "преступлений".

* * *

Отметим далее, что всякое наказание — всегда произвольно. Нет даже равенства наказания за совершение одного и того же проступка или преступления. Один легко переносит пятилетнюю каторгу (если она не является той подлой мерой наказания, которой справедливо считается одиночное заключение), а другой умирает от нее через короткий срок. Один становится ненормальным в одиночном заключении, другой сравнительно легко переносит его.

Глубоко нелепы законом предписанные или обычаем судей устанавливаемые, размеры наказаний. Почему одно наказание может быть назначено (и назначается) за кражу для того, чтобы не погибнуть от лишений и за кражу для кутежа.

Равно наказываются умный и глупый преступник, развитой и неразвитой. Кража у богатого государства (у правителей) наказуется строже, чем у частного человека. Закон нелеп, так как он знает только мертвые рубрики, а когда закон предоставляет судье право назначить за одно и то же преступление и свирепое и мяг-

кое наказание мы встречаемся с буквально диким произволом судей и невольно ужасаешься, читая о диких приговорах диких судей, которые воображают себя полезными членами общества.

Никто не может сказать, почему закон назначил за то или иное преступление то или иное наказание. Почему человек отправляется в тюрьму на 8, а не на 5 лет? Почему за одно и то же преступление один судья убивает, а другой более умный назначает 5 лет тюрьмы? Мы встречаемся в громадном большинстве случаев с полным произволом и что всего хуже, зачастую с глупым произволом.

Мы не говорим уже о том, когда судья из кожи лезет для того, чтобы угодить своему свирепому начальнику. Дело не столько в этих и им подобных случаях, а в том, что назначавший наказания законодатель не мог влезть в чужую шкуру, не мог предвидеть ни мотивов, ни обстановки преступления. Нельзя предвидеть и того, каким будет психическое состояние будущего преступника и, конечно, не современной психиатрии разобратся в степени ответственности обвиняемого. Все законодатели разыгрывают, определяя виды и степени наказаний, нелепую роль пророков и пытаются "изображать поступки людей в будущем и заранее судить их".

Во всяком случае, закон — не плод мудрости наших предков и наших законодателей, а "скорее плод их страстей, болезни, ревности, жестокосердия и властолюбия". Более, чем часто, эти слова относятся и к современным законодателям. Не мешает еще упомянуть в этом случае о паталогической глупости господ законодателей.

Из того, что многие и многие люди верят в пользу закона, ничего не следует: люди верили во всевозможные глупости — верили в Баала и в Перуна.

* * *

Любопытно и то, что любой закон издается без моего согласия, так что я имею нравственное право не считаться с ним. Интересно, что русский народ, которого, после эпохи вечного периода, никогда не спрашивали, хорош или плох издаваемый закон, считал и считает законы ужасной гадостью: "закон, что дышло, куда

поворотил, туда и вышло“, “не зная закона, не знает греха“, “что мне законы, мне судьи знакомы“ и т. д. и т. д.

Закон не только наказывает, но и развращает граждан своими обычно подлыми наказаниями. Раз имеются законы, то, что не запрещено законами, то позволено — позволено быть, не нарушая закона, эксплуататорами, дикими злодеями-убийцами. Еще Гумплович отметил, что в судьи идут прирожденные злодеи. Хорош закон, как таковой, всегда требующий для своего применения злодея, который, попав на судейскую должность, еще сильнее развращается, становится тупоумным злодеем! Немецкий судья Каршов убил 20.000 человек, Иван сумасшедший царь России убил десятки тысяч людей. Карл 5-й в одних Нидерландах убил подлейшими казнями сто тысяч человек, в России последних лет смертная казнь применяется так часто, что мне — русскому — стыдно назвать цифру казненных.

Правители тех стран, где часто применяется смертная казнь портят своих подданных: последние становятся грубыми, жестоковещными и сами гордятся тем, что становятся похожими на идиотов. Кажется иногда, что в России рабочие (те из них, которые одобряют смертную казнь) все более и более становятся похожими на старых дворян: у нас, например, встречаюся и такие рабочие, которые одобряли выкидывание из учебных заведений учащихся по той нелепой причине, что их отцы принадлежали к так называемым (когда-то) привилегированным классам общества.

Чисто дворянской, средневековой психологией крепостников, проникаются у нас сторонники смертной казни. Не раз приходилось слышать дворянский тебр надменного голоса у них, видеть их презрит. мины и слышать архи-дикие, чисто дворянские (в самом плохом смысле слова) поучения от этих новых холопствующих бар, бывших рабочих, а ныне надсмотрщиков за рабочими или чиновников.

Смертная казнь нигде и никогда не уменьшала количества преступлений да и другие наказания не имели такого следствия, иначе давно не было бы преступности. Кетати, нет кажется

места на земном шаре, где было бы так много преступлений (и уголовных и политических), как в России, а я еще лет шесть тому назад слышал в Всероссийском Центральном Комитете оратора из членов чрезвычайной комиссии, утверждавшего, что они уничтожат в России преступность. Едва ли теперь этот господин повторит свои слова!

Чем свирепее наказание, тем больше появляется в развращаемой этим наказанием среде преступников. Тем не менее, мы продолжаем слышать глупое хвастовство насильников.

Вздорным является, к слову сказать, утверждение, что наш общественный строй (я говорю о всем человечестве) является гармоничным, потому что в нем свободно играют человеческие силы и страсти. Страсть и сила — плохие регуляторы жизни. Не порывы страсти, не проявления слепой силы, а спокойное функционирование того, что мы можем назвать (с небольшой натяжкой) организмом, приспособившимся к общественной жизни, создаст гармоническую жизнь людей. Но ясно, что современный общественный организм болен и его нельзя лечить пытками.

Верно, впрочем, то, что современный, страдающий от постоянного насилия организм является результатом игры сил и плохо обуздываемых страстей властителей.

* * *

Неужели все ошибались и наказание не нужно? Да! ошибались. Да! Не нужны, как не нужны были для человечества пытки инквизиции за то, что люди верили не так, как этого хотели тогдашние священнослужители.

В нашем анархическом строе преступления исчезнут.

При коммунистическом (здесь говорится о настоящем коммунизме) строе краж не будет. Не будет поводов воровать: не будет нужды, не будет и зависти, которые порождают ныне кражу. В настоящее время на воровство чаще всего наталкивают нищета и голод, тем более, что умирать с голода очень уж неприятно. Богатому чиновнику или буржуа легко громить вора. А статистика (не мошенническая статистика, которая тоже встречается, а настоящая) указывает, что чем дешевле хлеб, тем меньше воров.

Все будет хорошо одеты и сыты и воровство будет встречаться, как редчайший случай.

Иногда указывают на то, что в грядущем общежитии люди будут делать преступления из желания получить лучшие средства производства. Конечно, такое предсказание неверно, потому что вне зависимости от средств производства все будут получать равный доход и, если какой либо труд будет особенно неприятен или тяжел, трудящиеся будут работать меньше рабочих часов.

Конечно, в коммунистическом общежитии квартиры будут, насколько это возможно, одинаковы и квартиры теневой стороны будут значительно больше квартир, находящихся на солнечной стороне.

Совершенно независимо от профессии, человек будет получать одинаковое со всеми другими довольствие, хотя один будет потреблять другие продукты, чем другой коммунист, но стоимость этих продуктов будет равной, если не говорить о том неизбежном неравенстве, которое явится следствием возраста или роста и т. п.

Нам указывают, что и в будущем обществе будут биологические, так сказать, причины, которые породят преступность. Указывают и на наследственность, которая породит преступное насилие. Нас стараются убедить, что без тюрьмы и палки, без расстрела и виселицы, человечество не может жить.

Не могут жить без всей этой гадости выродившиеся правительства разных стран и народов. Но исчезнут в спокойной обстановке "преступные" наклонности, замрут в спокойной среде. Правда, думают некоторые господа, что эти инстинкты не могут исчезнуть, но это очевидная ошибка. Фиджийцы, например, не так давно были людоедами и только жители городка Вира-ты чувствовали непобедимое отвращение к человеческому мясу. Фиджийские князья-людоеды рассуждали вероятно, по своему логично. Всегда будут людоеды — это природный инстинкт, поддерживаемый наследственностью. Если враг или преступник убит — прямой расчет его съесть. Отчего не убить вкусного и не нужного нам человека?.. Так приблизительно рассуждают и в наше время, но ведь, эти рассуждения смахивают на бред езуазмских.

Современный общественный строй создает много душевнобольных, алкоголиков, плохо лечившихся сифилитиков и из рядов таких лиц выходит преступники. Настоячивое стремление к богатству уже в третьем поколении дает для человека, резкое вырождение. Тоже относится до некоторой степени к лицам, стремящимся к власти. Тревога, являющаяся результатом плохой материальной обеспеченности, опять таки тяжело отзывается на бедняке. Человечество выделяет из своих рядов и умственно и нравственно деградирующих субъектов.

Из того, что среди людей не мало душевных больных, алкоголиков и т. п., вовсе не следует, что этих людей надо наказывать за совершаемые ими преступления. Надо лечить, а не мучить этих несчастных.

Не сразу коммунистический строй изменит психику людей. Пройдут десятилетия, вырастут новые поколения и только тогда замрут в людях инстинкты собственности, исчезнут аффекты ревности и прочее.

В наше время много побудительных причин делать преступления. Мало этого: уголовный процесс с его логическим концом (наказанием) является, в сущности, преступным деянием и учит таковому. Конкуренция питает в человеке те же инстинкты, что и ссора. Здесь говорится конечно о современной конкуренции.

Зачем наказывать, то есть, мстить, раз преступление совершено? Зачем приказывать мучить беззащитного? Отчего не считать опасными преступниками (и убийцами) судей? Отчего и судей этих не судить и не отдавать на мучение, а далее отчего не мучить и тех, кто этих судей приказали мучить, как явных преступников? И т. д. и т. д.

Встречаются так называемые опасные преступники. Это несомненно езуазмские и для них надо строить не тюрьмы, а лечебницы.

Для переходного времени, в тех случаях, когда будут совершаться так называемые преступления, возможно, конечно, рассмотрение дела трибунала, возможен приговор, являющийся оценкой преступного деяния и оглашение этого мотивированного приговора. О наказаниях же надо забыть.

Наказания не защищают громадного числа европейцев от преступлений и преступников. Наказаниями удовлетворяется только низкое чувство мести, а право налагать наказания создает разряд опаснейших преступников, то есть, судей. Надо устроиться так, чтобы преступление стало безцельным. Надо так устроиться, чтобы людям противно было делаться преступниками. С преступностью будет бороться сам общественный строй, общественное мнение, самозащита того, кому угрожает преступное деяние и защита такого человека всеми находящимися налицо. А наказание ведет к рецидивам преступности. "Преступник" рассуждает примерно так: "я украл, а ты в течение долгого времени изо дня в день мучаешь меня, крадешь мое здоровье и жизнь. Мы квиты, а вернее, — ты гораздо больше меня".

Можно жить без начальства, без судей и без ссор. Так, например, жили духоборы Канады. Так, например, живут незнающие начальства эскимосы. У них почти что не бывает ссор. На эскимосском языке нет бранных слов. Преступления среди эскимосов чрезвычайно редки. Обидчиков или преступников облачают во время общественных игр обиденные. Одобрение или неу-

довольствие собравшихся заменяет судебный приговор. Иногда обидчик должен удалиться от осудившего его общества эскимосов. Отсутствие ссор у эскимосов северо-восточной Гренландии удивляло европейских путешественников: целый год, например, живут сто семейств под одной кровлей, в общем доме и за все это время ни разу не возникает скольконибудь крупного недомыслия, перебранки.

Чем сильнее развита в людях индивидуальность, тем менее они преступны. Уважая себя, люди уважают и чужую индивидуальность, лишь бы она не переходила в насилие и эксплуатацию.

Заметим, наконец, что суд отнюдь не может считаться результатом разделения труда. Злоупотребляя таким образом словами, можно сказать, что деятельность разбойников является тоже результатом разделения труда. Судьи и палачи стоят вне рядов трудящихся. Это — ядовитые паразиты.

Лишившись власти, вспоминают судьи-палачи о своих злодеяниях: сердца косматые и мозги звериные гарантируют им спокойствие только тогда, когда они живут в угаре власти.

СТРОИТЕЛИ НОВОГО ВАВИЛОНА.

Подлинная красота анархического идеала заключается в том, что в основание его положены какие-то космические, какие-то универсальные начала. Этот идеал не является чем-то застывшим и окаменевшим. Этот идеал является отображением вечно живой, вечно неумирающей жизни, является ее прообразом, ее бессмертным символом. В известном смысле слова, этот идеал является душою жизни, ее духовной сущностью, всем ее внутренним содержанием. Сама по себе жизнь вещей является одной лишь стороной Бытия: она является миром реальностей, является лишь формами организованной материи. Другая же сторона Бытия является духовной стороной: она является внутренним содержанием этой жи-

зни, является миром идей и миром ирреальностей. Анархический идеал и является в данном случае этой второй стороной Бытия. Он является внутренним планом космической жизни, ее законами, ее необходимостью.

Источники анархизма лежат, следовательно, не в политической, не в социальной и даже не в материальной плоскости, а в плоскости духовной, в плоскости онтологической. Анархизм начинается там, где начинается Бытие. Он не является выдумкой человека: он не является теорией, он не является учением, он не является, тем более, программой. Разные программы, учения и теории являются выдумками человека. Во всех этих выдумках нет никакого содержания: ни со-

держания духовного, ни содержания материального. Все эти выдумки — пустые формы. Все они преходящи и смертны, как смертны и творцы всех этих выдумок. Иначе, впрочем, и не может быть: смертный не может создать вечно. Вечное создает лишь тот, кто не подвержен смерти, в ком воплотился дух Вечности. Вечное создает тот, кто проникает в духовную сторону бытия, кто постигает его сокровенные тайны, кто переносит начала Вечности во время и пространство, кто облакает все эти начала в различные материальные одежды. Только такое творчество может быть вечным. И когда творец вечного переносит все эти духовные явления в материальный мир, он не создает новых учений и новых вещей. Все это существует в другом плане Бытия. Он открывает нам лишь подлинное бытие вещей. Ни Рафаэль, ни Микель-Анджело, ни Леонардо да-Винчи, ни Вагнер, ни Бетховен не создавали, в сущности, новых вещей. Их творчество является лишь отражением мира идей и мира ирреальностей. Все это является, в сущности, только познанием Бытия. Но в этом познании нет ни учений, ни теорий. Многие изучают музыку и живопись, но никто не стал еще Бетховеном и Рафаэлем. Этому творчеству научиться и нельзя: здесь нет науки, нет теорий, нет ничего такого, что можно было бы постичь и изучить. Постичь мы можем выдумки, постичь мы можем то, что создается смертным. Все эти жалкие выдумки мы называем очень часто разными теориями и системами, но в этих системах и теориях нет ничего, кроме различных измышлений. За всеми этими системами имеется одна лишь пустота. Они не имеют ничего общего ни с духовной, ни с материальной жизнью. И жизнь никогда не оправдывала этих выдумок и никогда не может оправдать. Вполне понятно, следовательно, почему все эти теории разбиваются вечно о твердиню жизни и никогда не могут воплотиться в нашей реальной действительности. Все они являются бесконечно-мелющейся кинематографической лентой. Все они меняются, все они проходят, все они умирают рано, не оставляют после себя на земле даже и своих следов. И поистине жалкими и безумными кажутся все те люди, которые объясняют невоз-

можность осуществления своих систем и учений разными социальными и историческими обстоятельствами. Все они не понимают того, что все эти системы и теории не могут быть ничем другим, кроме теорий и систем. Они будут зарождаться, будут умирать, но сущность их не может измениться. Все они будут вечными выдумками человека. Природу всех этих теорий и систем прекрасно понимал Гете. В своем бессмертном "Фаусте" он где то говорит: "Теория — седа, а древо жизни вечно зелено". Но если бы Гете сказал, что всякая теория — мертва, он еще лучше определил бы природу всех этих теорий и систем.

Когда же разные социалисты и политики, все эти общественные авантюристы, носясь со своими всевозможными программами, учениями и теориями, все это кажется чем то смешным и вместе с тем трагическим. Многие из них являются, ведь, чистыми авантюристами; все они знают цену всем своим программам и теориям. Они знают прекрасно, что все эти теории, теории политические и экономические, не стоят даже и гроша. Такою же ценою оцениваются, в сущности, и разные социалистические системы и учения. Но все они принимают вид людей серьезных и размышляющих и носятся, как сумасшедшие, со своими планами и программами среди наивных и необразованных людей. Для этих лиц политика стала своего рода профессией. Политика, повидимому, очень доходное и выгодное дело. Все карьеристы являются политиками, а все политики являются карьеристами. Сюда относится и большинство социалистов. Жестко относятся и большинство социалистов. Жестко заблуждаются те люди, которые способны думать, что социалисты — это какие то лучшие люди. Социалисты не лучшие люди, а люди худшие. Так же, как и другие политики, все они являются строителями нового Вавилона, являются строителями какого то ужасного сумасшедшего дома.

Но есть ведь и другие люди. Они самым серьезным образом проповедают людям разные политические учения и думают совершенно искренно, что все эти учения являются какою то правдою жизни. Многие из них самым серьезным образом носятся с планами социального рай

и верят совершенно искренно в возможность его осуществления. И в этом есть, в сущности, какая-то своеобразная трагедия. Эти несчастные люди, не зная подлинного человека, не зная Бытия, не зная даже социальной жизни, хотят вложить в свои нелепые программы всю нашу жизнь, все наше Бытие. Они не знают ни себя, ни мира. Они мечтают о свободе, но никто из них не знает, что такое свобода, и что такое несвобода. Свободы подлинной они не знают; они не знают даже, где начинается эта свобода. Для этих людей существуют только реальные вещи; вещей духовного порядка никто из них не знает. Они повидимому думают, что социальные вопросы разрешаются просто и примитивно. Узел социальной жизни они хотят развязать по способу Александра Македонского. Учения этих людей — учения разнообразные. Одни из них верят в судьбу, верят в экономическую эволюцию; другие же из них верят в насилие и революции; а третьи верят в парламентаризм, во всевозможные законодательные учреждения, а иногда и в "диктатуру пролетариата". Но все эти программы и учения являются теми же жалкими выдумками. Мы знаем эволюции, мы знаем революции, мы знаем разные парламенты, мы знаем даже "диктатуры пролетариата", но мы не знаем еще этого социального рая. Этого рая мы никогда и не будем знать, если люди будут разрешать так социальные вопросы. Такое разрешение их — разрешение пустое и бессмысленное. Все цели их являются выдумками и все пути их к этим целям являются подобными же измышлениями. Экономическая эволюция — выдумка разных консерваторов; насилие и революции — выдумки революционных романтиков и энтузиастов; парламентаризм и законодательства — выдумки различных государственников. Истинная трагедия этих людей заключается в том, что в их сознании мир отражается как некоторая сумма различных механических явлений и вещей; в нем отражается лишь внешний мир, мир осязаемый и видимый. Другого мира они не знают. Они не знают следовательно, и самой жизни: не знают ее сил, ее законов и ее направленностей. В мире реальных вещей они видят подлинное Бытие, а в Бытии видят только реальные

вещи. Их восприятие мира — самое ограниченное и примитивное восприятие. И все социальные вопросы они думают разрешить поэтому таким же примитивным способом. Им может быть хотелось бы сравнивать всю поверхность земли, но они не знают вероятно того, что в ее недрах имеются могучие огненные стихии, которые в одно мгновение превратят всю их бессмысленную работу в каленые обломки и развалины. Они хотят отнять богатства у богатых и думают, что после этого все бедняки станут людьми богатыми и счастливыми. Они не знают того, что чужое богатство не может никого сделать богатым и счастливым. Истинное богатство должно создаваться, а не отниматься у других людей. Не научится человек создавать богатства — он останется вечным бедняком. В грабежах нет красоты, нет никакого подвига. Подвиг и красота имеются только в творчестве. Истинно богатым является не тот, кто обладает чужим достоянием, а только тот, кто обладает самим собою, кто обладает своим творчеством. Истинное богатство не заключается даже в явлениях материального порядка, а заключается в духовной красоте и в духовном величии. Франциск Ассизский был самым бедным человеком на земле, но вместе с тем он был самым богатым человеком. Он не имел ничего, но вместе с тем он имел все. Быть может истинное богатство и заключается в преодолении вещей материального порядка. Не иметь ничего — это значит преодолеть все эти вещи, возвыситься над ними; а в этом возвышении над ними и есть ведь, в сущности, и подлинное обладание вещами. В данном случае уже не вещи будут господствовать над человеком, а человек будет господствовать над вещами. Ибсен устами своего Бранда говорил когда-то, что только все теряя человек все обретает, что только то является вечно нашим, что умирает навеки для нас. "То лишь, что умерло, вечно твое". В его словах имеется глубокий смысл, имеется какая-то вечная правда. Эти же социалисты и политики думают также, что достаточно предоставить какому-нибудь пролетарию аристократические условия жизни и этот пролетарий станет истинным аристократом. Так думают все эти наивные мечтатели. Но они не знают

того, что для преобразования земли необходимо прежде всего преобразование духа. Для этого необходимо постижение жизни, ея законов, ея внутреннего содержания. В противном случае, все эти реформы, эволюции и революции будут являться лишь вечными фикциями и иллюзиями, а все эти мечтатели будут являться бессознательными помощниками сознательных строителей нового Вавилона.

Если бы комунибудь из них удалось осуществить хотя бы временно все свои выдумки и программы, если бы им удалось осуществить свой социальный рай, то этот рай и оказался бы их Вавилоном. Их социальный рай — это какой то ад и сумасшедший дом. Ничего другого они и не могут создать. Русская революция является, быть может, самым поучительным примером в этом отношении. Большевики ведь тоже думали, что достаточно убить всех богатых, достаточно разграбить их имущество, достаточно убить всех образованных, и вся их пошлая социалистическая выдумка станет реальным явлением. Уроки прошлого же говорят о том, что социальное зло кроется повидимому не в богатых и не в образованных. Богатых и образованных они почти уничтожили, но все же не осуществили своих пошлых выдумок. Путем насилия и крови они хотели навязать жизни все свои фикции и измышления, хотели навязать ей социальный рай, но ничего, кроме сумасшедшего дома, они и не устроили. Свобода их оказалась рабством, а все богатства их в действительности оказались нищетой. Все это и должно было случиться. Во всех этих жестоких превращениях была какая то неумолимая неизбежность. Раз все их выдумки не были оправданы жизнью, раз все их измышления не были приняты и оправданы целым народом, раз они не были внутренней необходимостью людей, всякое насильственное осуществление их и должно было вызвать соответствующий хаос и соответствующую реакцию. И все подобные осуществления этих выдумок являются не светлыми явлениями в нашей социальной жизни, а самыми дурными и хаотическими явлениями.

Нечего уже говорить о том, сколько людей они убили во имя своего бреда, во имя своих

сумасшедших выдумок. Если бы и в самом деле этим безумцам удалось осуществить свой социальный рай, то и в этом случае все эти жертвы никогда не были бы оправданы. Вопрос, стоявший в свое время перед нашим незабвенным Белинским, во всей своей строгости стоит еще и перед нами. Если прогресс человечества основан лишь на жертвах, на костях и крови, возможно ли оправдывать этот прогресс, когда он покупается такой дорогой ценой? Быть может он не стоит даже и слезы ребенка?

Но все эти жертвы и слезы оправдывают все эти одержимые безумием люди. Все они признают жертвоприношения. Только все эти жертвоприношения совершаются ими не в той возвышенной мистериально-поэтической форме, как совершались они некогда в до-христианском мире, а в формах отвратительных и самых безобразных. Здесь нет ни ритуалов, ни мистерий; здесь нет ни жертвенников, ни жрецов. Здесь нет даже каннибализма, который, строго говоря, уже больше следует оправдывать. Людоед убивает человека с какими-то определенными целями: он убивает его просто ради наполнения своего собственного желудка. Но все эти безумцы убивают человека во имя какого то прогресса, во имя какого то будущего, какого то выдуманного человечества. Человечества настоящего они не знают и не хотят знать. Для них существует какое то отвлеченное, какое то фиктивное человечество. Реальные вещи они делают какими то мистическими вещами, а все явления мистического порядка им хочется сделать какими то реальными явлениями. В этом и заключается их безумие, безумие их выдумок, безумие их целей, средств и достижений. Свой сумасшедший дом, хотя бы даже социалистический, все они начинают строить с вершин, а не с основания. Вполне понятно, следовательно, почему рушатся вечно их здания, и почему при падении всех этих вавилонских столпотворений погибают в большинстве случаев и сами их строители.

Египетская культура является самой древнейшей и самой величественной культурой. Никто не знает до сих пор, где начинается эта культура, сколько тысячелетий насчитывается в ее долгой жизни. Позднейшие культуры имели очень

кратковременную жизнь. Все они умирали очень рано. Они умирают теперь и будут умирать в будущем. Такая же долгая жизнь египетской культуры не объясняется очевидно чем то случайным. Египет знал Вечность. Египет знал Сфинкса. Сам Сфинкс — лишь символ Бытия. Знать тайны Сфинкса — знать тайны подлинного Бытия. И тайны Сфинкса были известны Египту. Египет знал Феникса, явившегося символом вечной жизни. Позднейшие культуры не знают ни Сфинкса, ни Феникса. В этих культурах нет начала Вечности, все они, следовательно, смертны. Умерла, конечно, и египетская культура, но она не исчезла безследно. Она и не могла умереть смертью всего смертного, если в ней жил некогда дух Бытия, дух Вечности. Эта культура умерла тогда, когда египтяне возненавидели Вечность и возлюбили Смерть. Царица Клеопатра видела Египет умирающим. "Я умираю, — говорила она, — Египет умирает"...

В позднейших культурах встречаются очень редко дети Вечности. Все остальные люди, одни сознательно, другие несознательно, отвергают всякие вечные ценности, отвергают всякие явления духа, гасят свечильники божественного света, срывают печати на вратах царства тьмы и хаоса и начинают устраивать в этом хаосе разные бесовские пляски, напоминающие собой шабаш ведьм, чертей и колдунов. Все они ненавидят Вечность, все они презируют Безсмертие. Вполне понятно, следовательно, почему и все мировые явления они желают сделать смертными. Все они хотят сделать чем-то случайным и механическим. Даже самого человека они хотят сделать каким то бессмысленным автоматом. К этому стремятся, в сущности, и все политики, и все социалисты. Быть может многие из них и думают, что им удастся переустроить все мироздание, что им удастся вложить Бытие в какие то идиллические выдумки. Но этим людям не удастся ничего создать. Они способны создать лишь новый Вавилон. Ничего другого они создать не в состоянии. Их социализм и не может быть чем то другим. Он и должен быть новым Вавилоном. И если, по Евгению Сю и Достоевскому, Христос уступает свое место на земле Великому Инквизитору, все это, кажется нам иногда, так и

должно быть. Вавилон отвергает Христа и признает лишь Инквизитора.

Но в этом хаосе и безумии есть и какой-то неземной свет. И этот неземной свет исходит из глубинных источников Бытия. Природа этого света — природа не материальная. Этот свет исходит от огня небесного, огня неугасяемого. Хотя многие анархисты и не считают себя христианами, но, в сущности, ведь, анархический идеал и является "светом Христовым". В основу анархического идеала положены, ведь, не материальные начала, а начала возвышенные и духовные. Анархическое познание, сказал бы Платон, является воспоминанием того, что мы когда то видели в божественном миропорядке. Анархизм не является выдумкой разных чертей, разных освободителей человечества, а является проявлением космических законов в материальном плане Бытия. Анархисты знают, что невозможно освободить человека. Его можно освободить физически, но его нельзя освободить духовно. Раба можно освободить от цепей и от палки погонщика, но от духовного рабства его освободить нельзя. Истинное освобождение является самоосвобождением. Истинная свобода не дается и не получается: она рождается от нашей внутренней необходимости. Вот почему анархисты и не говорят людям о том, что они желают освободить человечество. Они не обещают никому свободу. Они не могут дать свободу никому. Истинно свободным может быть лишь тот, кто сам освободил себя от всякого зла и от всякого хаоса. Это есть подлинное освобождение человека и человечества. Такое освобождение не знает жертв, не знает слез и крови. Такое освобождение знает лишь радость и любовь. Оно другим и быть не может. Оно является какой то величественной и торжественной мировой мистерией, оно является преображением человека, оно является тем состоянием, когда человек перестает быть рабом и пасынком божим, и когда он становится сыном божим. В этом освобождении человек слышит голос Божества, а Божество слышит голос своего сына. В этом освобождении человек узнает тайны Сфинкса и Феникса и причащается от чаши Вечности.

Вполне понятно, следовательно, почему между анархизмом и разными чертовскими выдумками нет и не может быть ничего общего. Анархизм — это Логос, разные выдумки — хаос и тьма. Вполне понятно также почему разные черт, разные строители Вавилона соединяются в одно полчище для борьбы с анархическим идеалом. Но все эти безумцы не знают Бесмертия. Они поэтому и думают, что и все истинные идеалы смертны, и что можно бороться с тем, что, в сущности, не умирает никогда. Можно бороться с анархистами, можно бороться с носителями света, но свет останется светом. Ведь характерно то, что все без исключения политики — и монархисты, и социалисты, и большевики — объединяются в том случае, когда заходит речь об анархистах или анархизме. Все они ненавидят свободу, все они боятся света. Истинный свет просвещает людей. Все они боятся того, чтобы не обрушились на них их вавилонские столпотворения. Но вся борьба их с анархизмом является борьбой безумной и бессмысленной. И многие из них все это понимают. Многие из них не верят в разные побоища, не верят в разные разгромы анархистов. И они делают все возможное, для того, чтобы опознать анархизм разными выдумками и измышлениями. Одни из них говорят о том, что анархизм — вещь прекрасная, но что не стоит думать о возможности его осуществления во времени и пространстве. Другие из них говорят о том, что анархизм надо примирить с действительностью, что анархизм надо превратить в какую то анархическую политику. Третьи говорят о том, что анархизм — это нечто неопределенное. Так много направлений в анархизме, говорят они, что нечего даже и думать о том, что эти направления могут привести людей к одной и той же цели. Но все это является, в сущности, только чертовскими кознями этих социалистов и политиков. Все это является лишь сатанинским искушением. Но и эти-ли кознями им не удастся ничего достигнуть. Истинный анархист не может даже задавать себе вопроса: когда осуществится его идеал? Если бы этот идеал не осуществился бы на земле никогда, и в этом случае истинный анархист не мог бы разочароваться в нем. Отречься от

своего идеала, отречься от божественного света, отречься от знания Бытия — это значит отречься и от самого себя, отречься от своей души. Анархисты не могут торговать своими убеждениями. Анархисты не продают их на базарных площадях и всевозможных трибунах, как это делают социалисты и политики. Они способны умереть лишь за свои идеалы и убеждения, как умер за них и Христос. И в этом заключается их величие, их рыцарство, их героизм. Что же касается других, желающих опознать анархизм различными программами и схемами, то и их козни не могут иметь, в сущности, никакого значения. Никогда анархисты не признавали разных "переходных стадий" и минимальных программ, и никогда не будут признавать их. А если даже и найдутся люди, которые, называя себя анархистами, будут носиться с разными выдумками и измышлениями, никто из анархистов не поддержит их в строительстве их Вавилона. Лишь в замечаниях третьего типа имеется на первый взгляд значительная доля истины. С ними согласны, кажется, и некоторые анархисты. Но в этом нет, в сущности, никакой трагедии. Все это так и должно быть. В людях нет тождества даже физического. Не может быть, тем более, в них тождества духовного. Мировые явления не могут восприниматься всеми людьми одинаково. Воспринимают мир одинаково только те люди, которые не познают его, а вкладывают его в свои выдумки и схемы. Такое познание мира свойственно материалистам. В мыслях этих людей есть некая бессмысленность. Иначе они и не могут мыслить. И их сенсуалистическая теория познания — теория простая и примитивная. Для такого познания мира не надо иметь мысли, не надо быть человеком: так познают мир не только обезьяны, но и более несовершенные виды животных. Такой "гармония" мысли у анархистов нет и быть ее не может. В анархизме есть гармония иного порядка: гармония небесная, гармония космическая. Как безгранично и беспредельно Бытие, так безгранична и беспредельна анархическая мысль, так беспредельно и анархическое познание. И в этом, повторяем, есть подлинная красота и подлинное величие анархического идеала. В этом есть под-

линия свобода. Плохой тот анархист, кто знает анархизм по Штирнеру, Кропоткину или Толстому. Анархизм ведь не учение, а какая то внутренняя необходимость. В ком нет этой необходимости, в ком нет свободной индивидуальности, тот никогда не будет анархистом. Анархист — это человек не учащийся и не освобождаемый, а познающий человек и человек освобождающийся. Человек, ведь, не только онтологическая реальность, но и онтологическая индивидуальность. Человек — это мир в мире и Бытие в Бытии. Здесь начинается онтологическое равенство различных индивидуальностей, которого не знают ни социалисты, ни политики. Их равенство есть выдумка и измышление. Нельзя, ведь, требовать от разных индивидуальностей какого то единства или тождества. Душа каждого человека — это космическая Психея. Она проходит путь космического совершенствования. В дваматической поэме Жулавского Психея изображена бессмертной на земле: ея божественный образ встречается во всех веках. Не умирает она и в других мирах. Психея — вечное начало. Психея — вечная жизнь, а не смерть. В материальном мире нет и не может быть Психеи. Материальный мир — мир мертвый и бездушный. И только в этом мире мыслимо единство. Единство мыслимо лишь в смерти. И если в анархизме есть различные течения, все это является вполне разумным и естественным.

Течений в анархизме много: течение рыцарское, течение христианское, течение буддийское, течение мистическое, течение коммунистическое, течение индивидуалистическое. На первый взгляд и кажется, что все эти течения не имеют ничего общего между собою, что многие из них даже способны исключать друг друга. Но все эти противоречия — лишь внешние и кажущиеся. Внутреннего противоречия здесь нет и быть не может. Природа их — одна и та же. Эти кажущиеся противоречия являются ступенями познания. Одни знают больше, другие знают меньше. Равенство знания и достижений и невозможно, кажется, во времени: оно возможно только в вечности. Одни анархисты привязаны еще к земле, другие же переступили зе-

мные пределы: одни — дети земли, другие — дети вселенной. Каждый из них занимает свое место на пути к великим достижениям. В этом есть их единство, есть и понимание друг друга. Многие из них не могут быть еще братьями в духе, братьями во Христе, но все они могут быть братьями земными. Все они — дети одной матери, дети одного Бога. Все они стремятся к осуществлению Царства Божьего на земле. Это и делает их братьями земными. Некоторые из них и не стремятся, может быть, к какому то иному царству, к царству "не от мира сего". Другие же стремятся к этому иному царству. Одни из них хотят остаться на земле, взоры других направлены к звездам. Не всем дано одно и то же: одним дано одно, другим дано другое.

Людьми, стоящими на самой низкой ступени познания, являются, пожалуй, только индивидуалисты и материалисты. Первые из них не знают того, что человек является онтологическою индивидуальностью. Эти люди еще не познали себя и не познали свою космическую индивидуальность. Они желают быть какими то фиктивными и вымышленными индивидами. Подобные стремления являются уделом юношеского возраста человека. Стремление к такому вымышленному индивиду есть лишь продукт незрелого ума. Все дети, ведь, желают быть такими индивидами. Такого рода индивидуализм является чем то довольно низкопробным. Здесь есть желание казаться лишь оригинальным. Такого рода индивид является типичным парвеню. Не соглашаться с кем бы то ни было, противоречить всем, казаться выскочкой, казаться эксцентричным. Такова психология подобных индивидуалистов. Все это, повторяем, свойственно детской психике. И от этой детской психики не освобождаются иногда и некоторые взрослые люди. Есть, ведь, люди, которых можно было бы назвать какими то вечными детьми. Но если эти дети найдут когда нибудь свою индивидуальность, они поймут тогда, что эти индивиды, созданные из ничего, являются какими то жалкими выдумками. Если же эти люди отвергают, подобно их учителю Штирнеру, всякую духовную жизнь, то эти животные индивиды являются еще какой то большей выдумкой. Раз в нем нет духа, раз в нем нет ни-

каких душевных проявлений, такого индивида нельзя даже мыслить. В мире материи нет никаких индивидов. Материя есть только совокупность праха. Прахом является и этот индивид. Материя не знает никакой свободы. Не может знать ее и этот выдуманный индивид. В мире материи господствуют железные законы причинности и необходимости. Над ним господствуют также законы духовные, законы создающие. И только благодаря этому материя принимает разные организованные формы. Без этих законов материя была бы вечным хаосом. Подлинная свобода и индивидуальность находится в мире иного порядка. Где нет божественной Психеи, не может быть там ни индивидуальности, ни свободы.

Из всех известных индивидуалистов заслуживает должного внимания один Оскар Уайльд. Но его индивидуализм — индивидуализм возвышенный и благородный. Он не имеет ничего общего с тем животным эгоизмом, который проповедывал когда-то Штирнер. Не имеет он ничего общего и с животным индивидуализмом Ницше. Индивидуализм Оскара Уайльда так же прекрасен и божественен, как прекрасны и божественны и все его творения. В своем очерке "Душа человека при социализме" он указывает на то, что между истинным индивидуализмом нет ничего общего. В своих творческих записках "De profundis" он даже Христа назвал величайшим поэтом и величайшим индивидуалистом. Шелли и Софокл, — по его мнению, — братья Христа. В книге же Штирнера нет никакого индивидуализма. Нет его также и у творца "Заратустры". Истинный индивидуализм есть только у Оскара Уайльда. Но все эти штирнеровские жалкие эгоисты, все эти ницшеанские зверо-человеки являются пошлыми выдумками.

Материалистическое понимание вещей является чем то естественным и более понятным.

В нем есть лишь некоторое примитивное и ограниченное понимание вещей. Материалистами являются те люди, которые не знают еще истинного Бытия. Но материалистическое миропонимание обречено на гибель и крушение. Это крушение наступает тогда, когда восходит человек на более высокие ступени познания. И в материализме этого типа нет ничего страшного и трагического. Подобный фазис познания проходит почти каждый человек. Анархисты — люди свободные. Каждый из них свободен в своих мыслях; каждый из них может вести какой угодно образ жизни; каждый из них может молиться какому угодно Богу. Здесь важно лишь одно: чтобы поступки и действия одного не нарушали свободу другого. Это и есть та почва, на которой объединяются различные анархические течения.

Еще появляется следующий вопрос: является ли анархизм идеалом общечеловеческим или же идеалом "страждущих и обремененных". Анархизм является идеалом общечеловеческим. Для анархизма все люди равны. Анархист не может обоготворять пролетария и возводить хулу на богатого или аристократа. Анархисты стремятся, ведь, не к бедности и нищете, а все они стремятся к довольству и счастью. Не к пролетариату, а к самому стремлению к счастью. Анархист, а к самому возвышенному состоянию. Каждый из них стремится к подлинному аристократизму. Анархисты не стремятся к тому, чтобы все люди стали плебейми и пролетариями, а чтобы все плебей и пролетарии стали подлинными аристократами. Истинным аристократизмом является духовный лишь аристократизм. В истинном анархизме пролетарий освобождается от своего пролетариата, этого ужасного тяготеющего проклятия, и называется свободным человеком. Где кончается пролетариат духа, там начинается подлинное освобождение.

Сентябрь, 1924.

Дельта.

АНАРХИЗМ И ЭТИКА.

Анатолий Горелик.

(Продолжение).

Но в современном авторитаристском общежитии человеческие инстинкты извращаются. Повседневная борьба за существование, страдания, неестественная и аморальная жизнь, как бедных так и богатых, произвели отклонение, надрыв в психологии человеческих существ.

Естественно инстинкты взаимной помощи и справедливости деформировались. Любовь, естественные человеческие инстинкты понемногу заглушаются и почти отмирают. Ненависть, инстинкты самые ненормальные развиваются в людях и его современное общественное сожитие превратилось в сожительство диких животных, в жизнь непрерывной борьбы человека против человека.

Взаимная помощь есть только естественный инстинкт, который может проявляться сильнее и слабее и даже не проявляться совсем в общественной жизни. Чтобы этот инстинкт проявлялся и играла роль в общественной жизни необходимо, чтобы он практиковался, чтобы взаимная помощь выявлялась хотя бы в уважении к человеческой личности, чтобы признавалась ценность ее и личность, всякая личность, была любима. Ибо ненависть это противоположность и отрицание взаимности и уважения личности человека.

Необходимо, чтобы общественная борьба была борьбой **естественной**, человеческой и терпимой. И даже в моменты самых больших народных движений и революций, когда страсти разгораются, когда ненависть угнетенных к угнетателям принимает самые резкие и крайние формы, чтобы люди не терялись, не ослеплялись ненавистью, из за временной мести не теряли из виду конечную цель: свободы для **всех** людей, не извратились и не превратились в самые ужасные дикие животные по отношению друг друга, как бывало во время почти всех возмущений и революций. Необходимо и неизбежно, чтобы жизнь человеческая ценилась, чтобы личность человеческая не уничтожалась. Иначе революции пробудят в личностях самые отрицательные качества, пробудят в них инстинкты самые

неестественные и необщественные, или даже антиобщественные, и вместо общежития на началах взаимной помощи создастся взаимная борьба и взаимное уничтожение.

Для разных политических партий вопрос о будущем лучшем общежитии разрешается просто. Для них личность, живой человек, ничего не значущий и малочисленный. Для них личность только часть большой и громоздкой машины, называемой обществом. И для того, чтобы создалась новая жизнь кучка избранных: партия, пролетариат, рабочие организации, захватывают всю жизнь общества, т. е. всех людей, в свои руки и принуждают каждую личность подчиниться идеям, взглядам и прихотям этой кучки избранных. А в случае неповиновения людских масс таким пожеланиям, в случае несогласия личности служить пушечным мясом или рабочим скотом этим избранным в их сооружениях какойнибудь новой общественной пирамиды, партия уничтожает их, превращает в животных запертых в клетку и даже силой принуждает их служить своим прихотям. И люди под влиянием силы и неумения освободиться от нового ярма власти, или руководства избранных, **терпят** новое положение вещей, пока не накопятся новые силы и энергия, и — снова восстают.

Но терпеть общежитие, не значит еще жить в общежитии. Общежитие тогда — чуждо личности и превращается в свое отрицание: в принудительный государственный аппарат, держащий в своих руках всю людскую массу, как тюремщик в тюрьме.

И поэтому для социалистов государство, которому они подчиняют общество, есть неизбежный враг личности. Для них, уничтожение непокорной личности, сжимание и свертывание ее проявлений — вещь неизбежная. Убийство, уничтожение, лишение свободы и взаимная ненависть — вещи нормальные. Ни терпимости, ни уважения к личности у них не существует и не может существовать.

Но их пониманию, **принудительная дисциплина**

плина, насилие избранных, более сознательных и более сильных личностей — "герои" — спасут жизнь и поведут ее к государственному общежитию, лучшему и вполне счастливому. Никакой внутренней естественной силы в человеке, никаких этических, нравственных импульсов и инстинктов и привычек для социалистов, особенно марксистов, не существует.

Но иначе, совсем с противоположной стороны, подходят к этому вопросу анархисты. Для них общежитие не есть нечто искусственно, разумом избранных созданное, для них общежитие есть естественное состояние человека в природе. Человеку, каждой личности естественна потребность — как мы уже видели выше — выявлять себя, проявлять себя, но в то же время общаться с себе подобными для удовлетворения своих естественных, физиологических и нравственных потребностей. Продолжение рода вызывает естественную потребность в себе подобном существе другого пола, избыток накапливающейся энергии физической, чувственной и умственной вызывает потребность в общении с себе подобными, чтобы с ними делиться своими избытками сил и энергией ума и чувств; и чем выше живое существо, тем эти потребности более многосложны и более сильны. Тем более многосложны эти потребности у человека, ибо круг интересов его более обширен и его силы и энергия, которые при помощи машин и разных изобретений сохраняются, ищут себе возможность для проявления.

Там сил поток,

Там сил избыток.

И человеческое существо ищет выхода для накопленной энергии, который оно находит в творчестве, в общении с себе подобными и в целом ряде других естественных и неестественных и даже ненормальных проявлениях.

Общежитие является естественным гармоническим совместным пребыванием человеческих личностей для взаимного обмена энергиями, избытками сил, естественными влечениями и творческими проявлениями. Общежитие является не только следствием материальной необходимости, в котором человек живет по принуждению. А наоборот. Общежитие есть естественная

потребность каждого живого существа, и если экономические потребности иногда и вносят раздоры в общежития, то этот естественный инстинкт потребности общения и тяги к себе подобным побеждает все эти временные недоразумения, и с новой силой ведет жизнь вперед через все пропасти и бездны, чрез горы и долины. Над экономическими потребностями имеется сила духовная, сила взаимности и естественного самопроявления, которая ведет иногда личность к самоуничтожению и к добровольной смерти ради жизни, радости и возможности самопроявления других.

Вся история человечества полна этими показателями, как люди шли на смерть за свою семью, за свой род, за свой народ, за своего Бога, за свои идеалы.

Начало христианства, инквизиции, все идейные движения последних столетий служат самыми яркими показателями, как во имя дорогого и близкого, любви и привязанности, идеи и веры личности шли на смерть с улыбкой на лице, и, торя на медленном огне, держимые и владеемые внутренней огненной силой и избытком жизни, улыбались восходящему солнцу и новой заре, новой жизни. Минуты агонии для них были жизнью и любовью, самым дорогим и прекрасным. И умирая медленной огненной смертью, они снедаемые избытком жизненной энергии и творческой силой, радовались своей такой смерти и пели хвалу своему Богу, своему народу, своей идее, всему человечеству. И часто даже умирали со словами любви на устах к своим палачам и мучителям. Такова — сила жизни.

Здесь не место останавливаться подробно на всех данных истории и на данных и нашей современной жизни, окончательно почти неизвестных людям науки, которые ищут из бумаг, а не из живой жизни. Но одно можно смело констатировать, что вся история человечества это — бесконечная Голгофа, на которую всходили личности во имя своих идей, отдавая все, не только экономические блага, но и свои жизни, и умиравшие с радостью за нравственные идеалы, стремления и порывы.

То же констатировали ученые и во всех животных общежитиях. Каждый ученый по иному

называет это инстинктивное самопроявление и самопожертвование личности, отводит им различные места и по иному объясняет их. Но присутствие этих нравственных инстинктов в личности **нико** из наблюдателей и исследователей жизни и природы не отрицает. Наоборот, целый ряд самых выдающихся естествоиспытателей "открыли" эти естественные свойства. Достаточно познакомиться с работами Брема из жизни животных и птиц, Фабри — насекомых, Миклухи-Маклая, Айды Пфейфер, Венияминова и Зозума из жизни диких народов, или с трудами Романеско и О. Бюхнера о психологии животных и любви в природе, чтобы получить представление о действительных **естественных** свойствах природы и понятно и человека. Не говоря уже понятно о таких известных работах как Дарвина, Поллеса, Бетси и других.

Поэтому анархисты свое понимание об общественной и ее изменении строят на иных началах, чем социалисты. Они из изучения жизни увидели, что как раз наоборот, — единственное обещание в котором власть существа над существом проявлялась и практиковалась — человеческое обещание — является самым ненормальным и самым неестественным. И их понимание о необходимости переустройства всей социальной жизни, имеющее иные основы, имеет и иные понимания и о самых силах, творческих силах, современной общественной жизни, как и о тех силах, которые будут играть роль при переустройстве этой общественной жизни, основанной на насилии человека над человеком и взаимной борьбе.

Личность, естественная посетительница общественного начала есть та сила, которая переустроит общественную жизнь. Но личность не избранный, не "герой".

Общественная жизнь есть равнодействующая жизнью всех личностей входящих в нее и поэтому каждая личность и ее проявления важны сами по себе и играют важную роль в общей жизни. Роль иногда и крайне маленькую, но имеющую громаднейшее значение. Личность есть основа и база общественной жизни, и именно вследствие такой роли личности, общественная жизнь должна быть реорганизована на нача-

лах равенства и свободы.

Анархизм не есть идея одного или другого класса в обществе. Анархизм есть идея человеческая, универсальная. И поэтому анархизм не признает никакого принуждения человека над человеком, даже во имя свободы, равенства, или человечества.

"Мы восставали сами, и предлагали другим восставать против тех, кто присваивает себе право обращаться с людьми так, как они отнюдь бы не захотели, что бы обращались с ними; против тех, кто не хочет допускать относительно себя ни обмана, ни эксплуатации, ни грубости, ни насилия, но все это допускает по отношению к другим.

"Ложь, грубость и т. д. отвратительны не потому, говорили мы, что их осуждают своды законов: цена этих сводов нам всем известна; они отвратительны потому, что ложь, грубость, насилие и пр. возмущают наше **чувство равенства**, если только Равенство для нас не пустой звук. Они особенно возмущают того, кто действительно остается анархистом в своем образе мыслей и в своей жизни.

Но уже одно это начало Равенства — такое простое, естественное и очевидное начало — если только его всегда прилагали в жизни — создало бы очень высокую нравственность, обнимающую собою все, что когда либо преподавали проповедники нравственности.

"Принцип равенства обнимает собою все учения моралистов. Но он содержит еще нечто большее. И это нечто есть **уважение к личности**. Провозглашая наш анархический нравственный принцип равенства, мы тем самым отказываемся присваивать себе право, на которое всегда претендовали проповедники нравственности — право ломать человеческую природу во имя какого бы то ни было нравственного идеала. Мы ни за кем не признаем этого права; мы не хотим их и для себя". *)

"Мы отказываемся уродовать личность во имя какого бы то ни было идеала; все, что мы позволяем себе, это — искренне и открыто

*) П. Кропоткин — "Нравственные начала анархизма", стр. 46.

выражать наши симпатии и антипатии к тому, что мы считаем хорошим или дурным. Такой то обманывает своих друзей? Такова его воля, его характер? Пусть так! Но наш характер, наша воля — презирать обманщика! И раз таков наш характер, будем искренни. Не будем бросаться навстречу, чтоб прижать его к своей жилетке, не будем дружески пожимать ему руку — как это делается теперь. Его активной страсти противопоставим нашу, такую же активную и сильную страсть — ненависть ко лжи и обману* *).

На какой же базе, на каком основном фундаменте может быть основана такая простая и глубокая идея о жизни. Какова та сила, которая дает анархизму такое значение и силу, великую моральную силу, которая находится над всеми физическими и принудительными силами? Это — Этика. Этика взаимности и терпимости. Это — ежедневное доказательство, что жизнь имеет естественную этическую базу, и что принудительные силы и угнетение не являются естественными свойствами человеческой личности и общественной жизни.

Вот как определяет Кропоткин появление и развитие этого начала. Начала не искусственного, не принудительного, а естественного.

«...По мере того, как взаимопомощь становится утвердившимся обычаем в человеческом обществе и, так сказать, практикуется инстинктивно, сама эта практика ведет к развитию чувства справедливости с его неизбежным чувством равенства или равноправия и равенственного самосдерживания. Мысль о том, что личные права каждого также ненарушимы, как естественные права каждого другого, растет по мере того, как исчезают классовые различия. И эта мысль становится ходячим понятием, когда учреждения данного общества подверглись соответствующему изменению* *).

«Некоторая доля отождествления своей личности с каждой личностью другого, своих чувств и переживаний с чувствами и переживаниями другого замечается и на низших ступенях животного царства и у первобытного человека. Но

по мере того, как в человеческом общезнании укореняются начала равенства и справедливости подготавливается почва для более утонченных чувств и отношений. Человек настолько привыкает чувствовать отражение его поступков и действий на других, что он избегает оскорблять других, даже тогда, когда ему приходится отказываться от удовлетворения своих желаний.

«Взаимопомощь — Справедливость — Нравственность — говорит Кропоткин — таковы последовательные шаги выходящего ряда настроений, которые мы познаем при изучении животного мира и человека. Они представляют органическую необходимость, несущую в самой себе оправдание, подтверждаемую всем развитием животного мира, начиная с первых его ступеней (в виде колоний простейших животных) и постепенно поднимаясь до высших человеческих обществ. Говоря образным языком, мы имеем всеобщий мировой закон органической эволюции; вследствие чего чувства Взаимопомощи, Справедливости и Нравственности глубоко заложены в человеке, со всею силою врожденных инстинктов* *).

Как видно взаимопомощь есть принцип всей жизни природы; этика — база всякой общественной жизни. Этика не какогонибудь бога или внешней и чуждой человеку и личности силы. Это — есть этика естественная, такие же естественные чувства как слух или зрение. Это — естественная основа всех общезнаний в природе. Человек не является исключением в природе, общество человеческое не находится вне жизни природы.

Природа не только не дает нам урока аморализма, т. е. безразличного отношения к нравственности, с которым какое-то начало, чуждое природе, должно бороться, чтобы победить его; но мы вынуждены признать, что самые понятия о добре и зле и наши умозаключения о Высшем Добре заимствованы из жизни природы* *).

Это изучение этической основы общественной жизни до сих пор еще не делалось. Анархисты пока — единственные, которые развили идею

* *) Там-же, стр. 47.

*) П. Кропоткин — «Этика», стр. 27.

*) П. Кропоткин, — «Этика», стр. 28.

**) Там-же, стр. 16.

об обществе и ее сущности как об естественном сожительстве людей, а не искусственном. И это в то время, когда социалисты даже рассматривали общество как **принудительное** совместное пребывание людей в обществе, благодаря **экономическим** necessities и **государственному** принуждению. Для социалистов и сейчас еще в обществе и в человечестве главными действующими силами являются принуждение, преобладание воли одних над другими и взаимная борьба.

И только мало-по-малу, эта идея, идея греховности человечества и божественного проклятия личности человека начинает отмирать и во все общественные идеологии начинает вкрапываться эта идея **естественной** потребности в общезжитии и существования естественной базы и естественного носителя общественного начала: этической личности.

Эту идею начинают признавать — и часто понятно и опешить — разные коммунистические и социалистические группировки и даже буржуазные ученые.

Возможность общезжития без власти, без физического принуждения и правительства из избранных уже начинает признаваться и носителями идеи сытого брюха, как общечеловеческого идеала. Но личность ими все еще отрицается. Они все еще никак не могут понять сущность взаимоотношения между обществом и личностью. Личность для них все еще остается абстракцией, общество же какое то особое от личности существо.

В сущности же жизнь личности и общества не различные вещи, и в жизни нет места этой антиобщественной идее противоположности между личностью и обществом. В анархической идее оба эти начала гармонизируются и одно и другое — естественно. Но личность есть основа общества, а не какая нибудь бездейственная сила, и ее роль в обществе — более важна, чем роль экономики, религии или политики.

Одним словом, не какая нибудь внешняя сила создала человеческое общезжитие. А наоборот, общественное сожительство существовало еще до появления человека на земле. Человек появился в природе, когда общество уже существо-

вало и от общественного животного. И те же естественные силы, которые создали и удерживали все живые существа совместно в общезжитии — избытка энергии в личности, творческий инстинкт, инстинкт взаимности и внутренней нравственности — суть те же силы, которые влекут человека к сожительству и к общественной жизни и к творческому самопроявлению.

Личность человека, его творческие силы, его избытки жизненной энергии, его моральные свойства являются основами социальной жизни и силами прогресса. Имеется понятно еще ряд других причин, которые играют роль в прогрессе человечества, но их роль менее важная.

В современном капиталистическом обществе силы личности извращены, разложены.

Но избытки энергии, творческие проявления существуют и проявляются и теперь каждый день. Без них жизнь человеческого общества не могла бы держаться и один день, и смерть по-немногу овладела бы жизнью.

Природа сильнее каждодневных ненормальностей и временных извращений. Каждый день жизнь проявляется бесконечным количеством явлений взаимной помощи, творческими проявлениями и моральной высотой, не смотря на все ужасы созданные капиталистической системой общезжития. В одной или другой сфере, в одной или другой форме, человек проявляется как личность нормальная. И человек власти и полицейский и даже палач суть нормальные существа в своей семье: с своим отцом, со своей матерью, со своей женой и детьми.

В жизни природа обладает большей силой, чем все силы искусственные, чем все зло творимое властью, общественными учреждениями и организациями, и сильнее всех сил и напряжений разных политических партий и идеологий и уделов разных общественных преступников.

Природа движется вперед. Двигается и эволюционирует не смотря на все препятствия. То отклоняясь в одну сторону, то в другую.

Но прогресс задержан. Найдучшие усилия терятся напрасно и бесполезно. Жизни лучшие, наиболее активные, наиболее сознательные и полезные для жизни и прогресса гибнут в этом

обществе мелочных экономических интересов.

Жизнь общественная и личная не развиваются так как могли и должны бы; для них нет ни места, ни возможности. И вот почему происходят революции, восстания, социальные битвы.

Личности не могут развиваться нормально, не могут прилагать свои естественные силы и действовать в сторону прогресса и благополучия всех личностей. Ежедневная борьба, страдания и ненависть взрывают беспрестанно, и нормальные чувства мало-по-малу теряются и исчезают. Человек теряет свою естественность и превращается в существо искусственное. Ложь, ненависть, двуличие становятся его нормальными чувствами и только в отдельные моменты он может быть натуральным, нормальным, становится самим собой.

Страдает больше всего и извращается в современном обществе естественная нравственность человека. И все общество в целом ненормально и болезненно извращено. Революции, взаимная борьба и взаимное уничтожение в обществе назревают изо дня в день и проявляются время от времени и в настоящей жизни. И могут принять даже грандиознейшие и мировые размеры.

Социалисты, исходя из своего понимания жизни и своих "научных" умственных построений, предлагают — а коммунисты в России это проводят на практике — для установления нового и лучшего общежития, принуждения и переходное государство: социализм. "Герои", избранные спасут человечество от ужасов эксплуатации. Но эксплуатация и принуждение еще более ужасные чем раньше создались. Свобода в России при коммунистах не существует даже в тех ограниченных размерах, которые допускались в капиталистическом общежитии. И не по злой воле и из-за плохих намерений социалистов и коммунистов, как личностей; но потому, что вся их идеология и вся их система общественной жизни была основана на тех же моральных и этических базах, что и капиталистические системы: на авторитете.

Личность, значение индивидуальных сил каждого не были признаны; также не существовало ни уважения, ни терпимости к личности. Ко-

ммунистическое общежитие не было естественным и добровольным сожитием. Напротив, оно было сожитием принудительным, было одной большой Всероссийской Каторгой.

И социалистический коммунизм потерпел крах.

Нет ни свободы личности, ни сожития, и энергия человеческая выявлялась не во взаимной помощи, не в создании жизни солидарной и счастливой, а в ужасной и дикой взаимной борьбе.

И капитализм — естественное дитя власти и принуждения — родился снова в форме наиболее безчеловечной, наиболее антисоциальной.

Анархисты и безгосударственники со своими малыми силами действовали. Но они также потерпели крушение, одержимые той же болезненной ненормальностью, что и социалисты. Они также считали, что организацией, т. е. объединением экономических сил, они смогут создать новую жизнь.

"Организация!", "Организация!" было и есть современный лозунг не только социалистов и синдикалистов, но и многих анархистов. Но именно организация, организация всей политической, экономической жизни кучкой избранных, убила инициативу и творческие силы личностей и масс, убила революцию.

Русская революция показала, что не в организации дело, не в механическом объединении сил ни на политической ни на экономической почве, а в свободном творчестве и свободном объединении личностей и масс лежит залог революционного творчества и создания новой действительно свободной и довольной жизни. В основе такой революции должна лежать не только новая экономическая или политическая база, но главным образом свободная этическая личность.

И в этом отношении русская революция показала, как не нужно делать революцию.

Вполне возможно, что при современных методах пропаганды и действующих идеях, и будущая революция еще будет носить "реалистический" характер, будет иметь в своей основе быть может не политическую, а экономическую организацию трудящихся. Но в конце концов,

ценою тяжелых опытов, человечеству придется понять причину неудач опытов строительства новой жизни, и применить самый естественный, самый простой и реальный метод: предоставить каждой личности в отдельности, и всем массам вместе, свободно проявлять себя; и естественным образом начнут выявляться взаимопомощь, солидарность и тесная взаимная связь. Любовь станет естественным чувством человека к человеку, и свободная, естественная гармония в общежитии и взаимоотношениях людей установится естественной практикой ежедневной жизни людей. Новая общественность выработается самой жизнью. Общественность, или как бы ее ни захотели назвать, не территориальная, не статическая и неподвижная или мертвящая, а вечно живая, подвижная и изменчивая, вечно творимая личностями, входящими в нее и связан-

ными только общим стремлением выявить себя в творческих и естественных порывах и в свободном единении сил тела, чувств и ума. Новая жизнь создаст новую общественность. Свободная естественная этическая личность создаст новую жизнь. Раскрепощение от ига Власти, Капитала и Авотритаризма освободит человека и возродит его как личность.

"Человеку нет более нужды облекать в покровы суеверия идеалы нравственной красоты и свои представления о справедливо построенном обществе; ему нечего ждать переустройства общества от Высшей Премудрости. Он может заимствовать свои идеалы из природы; из изучения ее жизни он может черпать нужные силы" *).

*) П. Кропоткин — "Этика", стр. 6.

(Окончание в след. номере).

— «0» —

АНАРХИИ.

Анархия! пусть клевета вокруг тебя, как огромное жидкое море,
Течет, но твоих белоснежных, красивых, смеющихся ног не коснется.
Иначе из ртов наших выльется рев возмущенья и дикого горя,
Иначе весь мир в нашей мести исчезнет, в крови и в огне задохнется.

Что может быть больше тебя, о крылатое, гордое слово!
Что может быть больше тебя, о, в борьбе зарожденная мысль человека!
Из тьмы беспросветной колющих страданий, из Хаоса рабства постыдно-немого.
Вы гордо возстали над трупом гниющим безысильного старого века.
И тот человек, кто прозябал от стыда яркочерное рабство родного народа
И пошлость добра, начертав своей огненной волей на небе Завет Разрушенья,
Был первым Творцом колоссального, мраморно-белого Храма Свободы,
Был первым слепцам указавший потерланный путь к Возрождению.

И мир, как огромная белая птица, из клетки на волю стремится.
И плачут железные стены, почувя в себе безхарактерность глины.
Трясется тюремщик, стараясь гнилыми зубами в могучее тело вцепиться.
Стараясь сдержатъ долгим сном укрепленную мощь исполнителя.

Анатолий Консе.

КИЕВСКАЯ ЛУКЬЯНОВСКАЯ КАТОРЖНАЯ ТЮРЬМА.

15/XI—1916 г.

О. И. Таратута.

Наконец-то я у себя в своей камерке. Проверка прошла. Мои "архангелы" отошли в дальний угол коридора, от скуки судачат. Волчек шелкает редко. Мои "каникулы" начались. Я так люблю это время. Дверь до шести часов не откроется, ни один гнус не появится. Желанная баюкающая тишина. Я наедине с собой...

Всегда я жду этого времени, как особенного блага, но сегодня... сегодня мне сдавалось, я сойду с ума в ожидании этого часа. Сегодня мучительно прошел мой день. С утра уже я почувствовала себя во власти столь далекого и в то же время до физической боли близкого прошлого.

Пережитое десять лет назад охватило так цепко, с такой силой, что я с радостью сегодня выскочила из камеры, когда позвали на работу. Там, в суетке людей и машин, я трусливо надеялась спастись от воспоминаний, так грозно охвативших мозг и душу. Напрасно! Целый день я была атакована ими. С каждым часом росло во мне все сильнее желание не бороться с нахлынувшим и отдаться ему всецело; не бежать от него, а идти ему навстречу. Чем рельефнее выступали события памятного дня, тем страстнее тянуло отдаться течению этих событий, потонуть в них. А тут люди, "архангелы", машины. Рвут на части, отрывают от дорогих образов, от всего с ними связанного. Утром еще я бежала спасаться в этот ад. Уже через час-два скрежетала зубами от жадной бежать от них в свою тихую келью, где смогу всласть отдаться им, моим дорогим мертвецам.

Так прошел мучительно тянувшийся день. Пришел, наконец, желанный час моих "каникул". Я наедине с собой. Я принимаю гостей, дорогих, светлых. Я с ними вся. Час за часом я переживаю с ними последний день их жизни до момента их увоза, когда они сказали мне свое последнее прощанье; и даже дальше, там на плахе за минуту до того, как спустилась над ними рука палача.

Вот уже две недели со дня приговора. Меня

на рассвете выпускают во двор тюрьмы. Со двора женского корпуса видны окна третьего этажа мужской тюрьмы. По условию с Борисом и Осипом на решетке их окна должно висеть полотенце — немой признак того, что обитатели камеры еще живы. На мой зов они выглянут, поздороваются. Иногда обмениваемся мало значущими для администрации, но важными для нас, мыслями. Возвращаюсь в камеру на несколько часов успокоенная.

Так и в утро памятного дня, 15 ноября 1906 года. Стучу нетерпеливо в дверь. Надзирательница чего-то замешкалась, не открывает. Я волнуюсь. Чувствую, ко мне приближается, обнимает Шерочка. "Не волнуйся, Оля, пока я с тобой, они живы", — говорит она спокойно, нежно. Оборачиваюсь, смотрю на нее удивленно, почти раздраженно. О чем она говорит? Что за нелепость? Правда, она вместе с Борисом и Осипом приговорена к казни. Но ни я, никто из заключенных, даже администрация не сомневалась в том, что казнь ей, как и всем женщинам до сих пор в Одесской тюрьме будет отменена. Все были уверены в этом, кроме ее одной. В душе она была убеждена, что приговор над ней будет приведен в исполнение. Но она молчала до этого утра. На мои горячие возражения и доказательства нелепости такого ее убеждения, она с тихой лаской, спокойно улыбаясь, повторяла: "Ну и ладно, Оля, ты только не волнуйся, не горячись, мамуся родная".

Дверь, наконец, открыли. Я бегу во двор. Полотенце висит, Борис и Осип стоят у окна, ждут меня. Поздоровались. "Как себя чувствуешь?" Кивают головами. Борис шутит бодро: "Чего и тебе желаем от господ бога". Надзирательница дергает; ухожу. Шерочка уже готовит завтрак нашему общему любимцу Лене. (Пять месяцев, как мне привезли моего сына с тем, чтобы посадить его и окончательного приговора, отдать его обратно родным, на волю). Преснузас наш двухлетний баловень и большая часть времени ушла на волю с ним. Пришли ко мне

несколько товаров, вызвали из камеры на "тайное совещание". Секрет заключался в том, чтобы организовать праздник ко дню рождения Шерочки, который наступит в этом месяце. Праздник предполагалось приурочить ко дню отмены смертного приговора. Ей должно было минуть 22 года. Товарищи хотели заказать цветы. Решили, что все будет зависеть от судьбы остальных двух: ни о каком празднике не может быть и речи, если Бориса и Осипа казнят.

Так мы едва дотянули до часа свидания. Свидания мы в этот раз ждали особенно нетерпеливо. Родственники должны были узнать: утвержден ли приговор и сообщить об этом нам. Свидания начались и кончились, а Шерочку, к которой должна была придти сестра, все не вызывают. После свидания — прогулка. Пошли мы все на прогулку, в надежде, что Борис имел свидание и нам что-нибудь сообщит. Минут через 5—10 вызывают Шерочку в контору. Вся прогулка заволновалась, устремилась к ней. Она нетерпеливо отмахивается. "Не шумите, товарищи, не волнуйтесь, меня зовут на свидание к сестре. Через час вернусь с новостями". И я не сомневалась, что зовут ее только на свидание. Ждем.

Через стену из мужского корпуса летит почта. Есть почта и мне; большой куст лилий, к которому привязано письмо. Значит, Борис был на свидании и уже вернулся с новостями и цветами. Товарищи разбрелись по двору: одни с письмами, другие переговаривались через стену с товарищами мужского корпуса. Я села на крылечке нашего корпуса и приступила к чтению. Читать хватит на долго. Письмо огромное, мелко исписанное. Оно писалось вчера ночью и утром перед свиданием. Сколько времени потекло за чтением письма, не знаю. Я была слишком поглощена содержанием его. От Бориса, за время этих двух последних недель, я получала часто письма, но всякий раз по новому письма его производили на меня впечатление силой и величием духа, которым они были проникнуты.

Я Бориса знала много лет. С ним я участвовала в двух террористических актах. С ним мы вели кружковую работу с рабочими в Одессе. С ним сидели в тюрьмах. По одному де-

лу с ним вместе освободились по амнистии 1905 года. Вместе по одному делу мы сели в последний раз. Я видала его молодым, бодрым, здоровым и видала его больным, с одиннадцатью ранами; видала его на костылях, потом в тюрьме; в удачах и неудачах, коих было не мало за годы нашей совместной работы. Во всех перипетиях жизни и борьбы он оставался тем же страстным анархистом-революционером, активным борцом за правду и справедливость, анархического идеала. Его горячо любили и уважали все единомышленники. Его уважали и ему удивлялись противники. "Он весь, словно соткан из лучей солнца", — сказал о нем один старый соц.-дем.-большевик, побеседовав с ним несколько раз в 1905 году в Екатеринославе. Таков был Борис. Таким мы знали его много лет, и все же и для нас он стал по особому нов и велик со дня приговора, когда ему стало ясно, что физически он от жизни уходит. Говорю физически, ибо только физически он мыслит себя за рубиконом того, что называется жизнью. Духом он чувствовал себя живым, во веки животворящим и бессмертным, как бессмертна идея, которую носил в себе, за которую боролся и умирал.

Я невольно отвлеклась от событий того дня, когда передо мной живо, до физического ощущения, выплыл образ Бориса.

Итак, долго ли я читала письмо Бориса, не знаю. Помню лишь, что как только я его кончила, чего то сразу затрепетала долгим отсутствием Шерульки. Попросила старшую надзирательницу послать кого-нибудь в контору узнать, утвержден ли приговор. Надзирательница вернулась, ничего не узнав, сказала только, что свидание продолжается, и что на свидании и Борис с Осипом. Прошло еще с 1½ часа. Нас уже гонят с прогулки. Шерочка не возвращается. Тревожное настроение растет. С прогулки уйти никто не хочет. Убеждаю старшую лично пойти за сведениями. Напряженно ждем ее возвращения. Идет... Медленно двигается. Иду ей навстречу. Вижу, лицо все в красных пятнах. Поняла... "Утвержден?" — спрашиваю. Кивает утвердительно головой. "Всем трем?" Губы скрипелись, сказать ничего не может. Утвердительно кивает... Оборачиваюсь к товарищам, хочу им

сообщить. Слышу, Ясинская (старшая надзирательница) сдавленным голосом что то силится сказать. Слушаю жадно. "Шерешевская просила, чтобы...", "Что?". Ясинская что то лепечет, опускается на крылечко, рыдает. Кругом стоят товарищи молча. Ясинская оправилась и закончила: "Шерешевская просила не шуметь и разойтись по камерам". Тактический прием. Понимаем. "А, почему Шерешевская не возвращается?". Приговор утвержден, но это еще не значит, что она не вернется. После утверждения приговора еще две недели казнь не производится и уже, во всяком случае, не днем. "Она задержалась с сестрой, скоро придет, идите по камерам пока!". Никто не идет. Я заявляю, что буду здесь ждать Шеру. Стою. Еще несколько товарищей стоят возле. Вспоминаю, что Борис и Осип уже, верно, вернулись со свидания. Бегу к прачешной, откуда видно окно Бориса. Все окна уже освещены. В окне Бориса темно. Полотенце висит. Из всех сил зову Бориса и Осипа. У всех окон мужской тюрьмы стоят товарищи, молчат. Темное окно тоже молчит. Полотенце висит. Ясинская умоляет уйти. Зову... зову... Кто-то догадался снять полотенце. Я поняла... Кончено...

Совершенно растерянная, иду куда-то с товарищами. Вдруг вспоминаю свидание! Им обещали во всякое время, будь то днем или ночью, свидание со мной перед казнью. Бегу к Ясинской. Иду ее в контору, сама бросаюсь в камеру за пиннистым кали. Я знала, что Борис и Осип держали его всегда при себе *) В ящике тумбочки лежали у нас еще три порошка. Закала в карман порошок. Жду. Ясинская возвращается с категорическим отказом: "Начальник ответил: — ни в коем случае, — разрешил только мальчика отнести к ним". Тут только вспоминаю, что Леня со мной нет. Где он? Бегаю по камерам. Нашла. Сидит на кровати в камере Веры Горвиц и льет на себя одеколон из флакона. Вера, взволнованная, бежит по камере.

*) Впоследствии выяснилось, что порошок оказался только у одного Бориса. Осипа взяли с прогулки без пинки, в которой был зашит порошок. Поэтому и Борис не воспользовался ядом.

Несу его к Ясинской, лепечу ему какой-то вздор, кладу в карман передничка порошок. Его уносят. Через пять минут приносят обратно. Здаю ему какие то нелепые вопросы, получаю нелепые ответы. Порошок в карманчике. Спрашиваю Ясинскую, почему так скоро вернулись. Оказывается, Леню к смертникам не пустили. Надзирательница стояла с мальчиком во дворе, против их окон, и через открытую форточку, на большом расстоянии, они с ним разговаривали. Сознание, что порошок остался, мучительно сверлит мозг. Зову Ясинскую, убеждаю ее отнестись порошок. Она испугана, не соглашается, но после мучительно-долгих убеждений, согласилась. Возвращается с порошком. Никакого предлога, никакой возможности нет проникнуть к ним. Стучу в дверь, требую свидания. Категорический отказ. Швыряю с отчаянием порошок на стол. Кончено.

Время идет. Леня требует внимания. Я его не могу ему дать. Хочу уложить его.

Вдруг дверь с треском открывается. Помощник Золотарев, Ясинская, еще кто-то, еще кто-то. "Собирайтесь на свидание!". Я мечусь по камере, как шальная. За каждым моим движением следят, не могу никак добраться до порошка, который попал под лампу. Меня торопят. Дальше тянуть нет возможности, вынуждена идти без порошка.

Иду я на свидание в таком истерзанном виде, в каком мои друзья меня никогда не знали. Только в тот момент я поняла, что гораздо, гораздо легче быть самому распятым, нежели проводить на распятие других. Так ясно, просто и радостно сознание смерти во имя идеи. Еще год тому назад на конспиративной квартире, в какой-то еврейский приздник хозяйка-еврейка угостила нас вишневым. Кто-то спросил, за что пить. Один из присутствовавших предложил выпить за то, чтобы никто из нас не умер на своей постели. Все дружно чокнулись и выпили.

Вот прошел год. Один из нашей дружной семьи погиб во время вооруженного сопротивления. Неугомонный, непримиримый борец с собственностью и властью, анархист Гелингер, после упорного сопротивления полиции, застрелен последним, оставшимся в револьвере, патро-

ном.

Другой из нашей группы, известный анархист Нотка; прекрасный товарищ, организатор и пропагандист, мой "корешок" (сопроцессник) по варшавскому делу, гроза белостокских властей, погиб во время погрома. В 1906 году он организовал самооборону в бедных рабочих кварталах. Весь район бедняков и рабочих анархисты отстояли, но некоторые из них там и погибли, в их числе и Нотка был зверски истерзан полицией.

А вот сейчас иду провожать на плаху самых близких, горячо любимых товарищей и страдаю тем, что не минует их чаша сия. Большое противоречие настроению год тому назад умереть не на собственной постели. Но такому противоречию неизбежно, мне кажется, подвержены только те из революционеров, которые, по воле случая, попадают в положение хоронящих, а не хоронимых. Впрочем, не знаю, может быть, оно и не так всегда и не со всеми. Возможно, что я оказалась слабее других. Знаю только, что так оно, а не иначе было со мной. Я была изранена душевно, я была истерзана предстоящим надругательством палача над друзьями, и если еще не плакала, то только потому, что тогда еще плакать не умела.

В таком состоянии я переступила порог смертников...

На этом месте обрываю. Чувствую с отчаянием, что не осилю, не передам того главного, что меня встретило там, на пороге смертников. Как рассказать? Выражу ли я что-нибудь, если скажу, что встретили они меня на пороге тихо, тихо радостные, светло и ясно улыбающиеся; что лица их были озарены совсем особым, изнутри исходящим одухотворением у каждого по-своему. По новому звучали голоса, светились глаза. Верой, страстной верой в бессмертие великой идеи анархизма, звучали их речи.

"Мы не умираем, Оля. Мы живы и будем жить с вами, борцами за анархизм, в борьбе вашей тяжелой, в ваших победах и поражениях, в тюрьмах, на каторге и в смерти вашей. Всегда во всем с вами до дня праздника торжества и победы нашей великой идеи анархизма", —

говорил Борне.

"Мы живы, Оля. Мы бессмертны, как бессмертна борьба за великие идеалы анархизма, за которые нас сейчас распинают", — говорила Шерочка.

Опять обрываю. Сказала ли я что-нибудь. Передала-ли я хотя отчасти. Чувствую, что нет. Неудовлетворенное чувство не выполненного гнетет. Всякие попытки рассказать их с горечью, оставляю. Скажу только, что все пережитое мною в этот день, до этого свидания, как только переступила за порог к ним, показалось таким чужим, ненужным и далеким. Таким диссонансом грубым показалось все пережитое за минуту до этого в сравнении с тем большим и главным, что нашла у них.

Стои обрвался. Звук его замер за дверью...

Ушла от них другая, обновленная. С тех пор прошло десять лет. Много из наших рядов выбыло. Огромная часть казнена. Многие, как и я, на десятки лет разбросаны по разным российским каторгам. Пережито было много; многое из того, что было мной унесено из камеры дорогих моих смертников, в тяжелой и упорной борьбе поблекло и изгладилось. Кое-что новое обрела, но, главное, большое и светлое в них, незабываемость веры в торжество идеи анархизма и страстная, неутомимая жажда бороться за него осталась и днес.

Опять отвлеклась.

Продолжаю.

Подъехала карета смертников. Свидание кончилось. Прощаемся. Шера шепчет: "в тумбочке лежит письмо". Горячо обнимаемся в последний раз.

В камере у меня Вера Халфин. Лена не спит, нервничает. Уже 11 часов. Укачиваю Лёню. Он требует песенку. Пою... Перед моими глазами они, живые, теплые, радостные товарищи мои. Хочу следовать мысленно туда, к месту плахи, к тому, что над ними в этот самый момент чинят палачи, — не могу. Этого ни душа ни мысли не принимают. Будто вижу на мгновение виселицу, веревку и их в страшном виде, колышущихся в воздухе, но видения эти мгновенны, не доходят до сознания, быстро уходят и заволакиваются другими: камера, там на

свидании я с ними — живыми, теплыми, тихо радостными. Леня нервничает, требует песню. Ною... Уснул...

Спешу к лицу, нахожу письмо. Писалось письмо накануне вечером. Шерочка почему-то еще вчера ночью ждала, что их возьмут на казнь. В письме она прощается со мной и Лейней. Письмо разделено на две части: первая половина посвящена Лене (которого она горячо любила) и заветам ему. Вторая часть посвящена мне...

С невыразимой болью вспоминаю сейчас о том, что письмо Шерочки и письмо Осипа, которое мне было передано начальником тюрьмы на утро, а также письмо раввина, получившееся на третий день после казни — затерялись. Как письмо Осипа, так, и, в особенности, письмо Шерочки имеют исключительную ценность не для меня одной. Помню еще то неотразимое впечатление, какое произвело письмо Шерочки на всех товарищей заключенных. Оно переходило из рук в руки. Больше всего поражал в нем страстный гимн жизни в самой ее смерти. Жизнь радостная и ликующая была из каждой строчки, из каждого слова. Читая письмо, я на мгновение забывала, что пульс ее уже перестал биться...

Мне почудилось, будто мы с ней на воле. Идем пробовать бомбу-динамитку. Ноябрь месяц. Раннее утро. Дул сильный ветер. Мы ходим у самого берега моря, ищем безопасного места для пробы, чтобы после взрыва нам легче было исчезнуть. Море бушует. Волны, одна за другой, с ревом и треском разбиваются о скалистый берег. Шерочка совершенно зачарована "взбесившимся" морем. С необычайной быстротой она взбирается на скалу. Ветер треплет платье, волосы растрепались, руки протянуты к морю. "Го-го-го-го-го", — кричит она громко радостно, "го-го-го-го-го". Волны, ударяясь о скалу, целым каскадом брызг обдают ее. Она раскрывает объятия. "Сюда, волнушка: Еще... Еще... Еще..."

Бомба оказалась удачно сделана — хорошо взорвалась. Бежим, закутанные в платочки, обратно. Навстречу бежит испуганный горюховик. Шерочка выкрикивает: "Беги, брат, скорее. Море взбесилось, бомбами плюется". Горюховик приостановился, тупо поглядел и побе-

жал дальше. Шеруныка хохочет громко, весело, задорно.

Вот такой я чувствовала Шеруныку, когда читала ее письмо, писанное в ночь и час ожидания казни. В смерти во имя идеи она чувствовала красоту и творчество. С глубокой верой в будущее анархизма она отдавала свою жизнь и жалеяла только о том, что обладает одной, а не многими жизнями, чтобы с победной гордостью понести их еще и еще раз на алтарь грядущей свободы.

"Еще, волнушечка, еще..."

На утро меня вызвали в контору. Отдали платок Шеруныки, шапку и часы Бориса (на внутренней стороне крышки было нацарапано: "Прощай, Оля, живи и твори". Подписаны имена всех трех и письмо Осипа, которое он успел написать уже после моего ухода.

Милый, славный наш Осип. Преданный, самоотверженный товарищ, всегда готовый с врагами на бой кровавый, он в жизни был застенчив, кроток и скромн, как девочка. Мы звали его "Беленький", или "Тихий" Осип. В письме, прощаясь, он благодарил нас за совместную жизнь с нами, за общую борьбу, за все хорошее, что дала ему наша среда и даже за смерть, которую принимает с гордостью.

16 ноября 1916 года.

На этом месте оборвалась моя рукопись. Писала почти до утра. Волчек все чаще и чаще стал шелкать. Прошел ночной дежурный по корпусу, о чем-то шептался с надзирательницей. Последняя, очевидно, докладывала о том, что я еще не ложилась. Мысль об обыске ночью послужила по сердцу. Надо скорее прятать, или рвать, чтобы не досталась гадам. Пробовала рвать — не могу. Острою болью рвется что-то внутри. До утра продержала у себя. Позвали на работу. Унесла с собой. Сейчас я вновь одна после поверки. С трудом прочитала написанное. Я так разбита после вчерашнего "пиршества с друзьями". Шатаюсь, словно пьяная. В глазах рябит, руки дрожат. Слаба и беспомощна. Тяжело "похмелье". А, между тем, хочется довершить, неожиданно для самой себя, начатое. Хочется сказать еще несколько слов о том, что мне известно о последних минутах жизни моих друзей.

Через два-три дня после казни получилось письмо от раввина, присутствовавшего на месте казни. Начинает он свое письмо с объяснения того, как он очутился там со смертниками. В 11 часов ночи приехали за ним, не говоря ему, куда его берут. Вся семья вполосилась. Поллицеймейстер, кажется, стал их успокаивать, сказал, что берут его не надолго, для какого-то обряда. Раввин, испуганный и взволнованный, последовал за ними. Привезли его к Александровскому парку; оттуда пешком, кажется, они прошли во двор таможенных чиновников. Там уже стояла карета смертников. Палачи объяснили раввину, что привезли его для напутствия государственных преступников, подлежащих казни. С сжатым сердцем он подошел к карете. Дверь открылась, и из кареты вышло трое городовых. Раввину велели войти в карету. В паническом ужасе он туда вошел. Дверь закрылась. На удивленный вопрос смертников, что ему нужно, он объяснил. Борис, от имени всех трех ответил, что духовник им не нужен и, как таковой, он может уйти немедленно, но как с человеком, если ему угодно, они побеседуют. Раввин выразил согласие. Четверть часа было в их распоряжении для беседы.

Как уже я раньше упомянула, письма Шерешевки, Осица и раввина — затерялись. При всем желании мне вряд ли удастся восстановить в гелем содержание письма раввина, а, между тем, оно исключительно ярко рисует настроение умирающих за идею борцов-великанов.

Попробую воспроизвести в памяти письмо раввина *):

"Беседу со мной вели все трое, но преимущественно говорила женщина. Затрудняюсь сказать, что говорил каждый из них в отдельности, но настроение их было одно: спокойное, бодрое, ясное. Они говорили, что у них есть своя вера, сильная и глубокая, основанная не на религии, а на учении об анархизме. Сущность ее, братство, равенство и свобода, не отдельно какой-

нибудь нации, а всех народов, всего мира и каждой личности в отдельности.

Я не спорил с ними. Я слушал их, пораженный. В эти короткие четверть часа беседы с ними я сам мгновениями забывал о том, что со мной говорят люди обреченные, что рука палача простерта над ними и через несколько минут, секунд опустится над ними. Мне казалось, что я говорю с людьми, которые готовятся в дальний, но приятный путь, путь на который они возлагают большие надежды и чаяния. Так оно, по существу, и было.

"Передайте друзьям и товарищам, — говорили они, — что мы умираем со спокойной и твердой верой, что наша смерть рождает жизнь. Соны молодых жизней! Они подымут выпавшее из наших рук знамя анархизма и будут продолжать нашу борьбу. Падут они в борьбе, их сменят другие для великой победы. День этот придет. Это так же верно, как верно то, что, умирая, мы будем жить в сердцах всех борцов за подлинно-великую анархическую революцию".

Я был целиком захвачен беседой с ними. Я забыл о действительности, слушая их. Повелительный голос: "Выходите", громом меня поразил. Я вкочил. Меня вывели из кареты.

В следующем дворике происходило приготовление к казни. Меня тряс панический ужас. Я попросил разрешения остаться здесь, в первом дворе. Мне разрешили, и, таким образом, я был избавлен от страшного зрелища насильственной смерти.

Первою из кареты взяли женщину. Спокойно и твердо она направилась во двор, где совершалась казнь. Что там происходило — не знаю, но через несколько минут оттуда выбежал околоточный надзиратель Панасюк *). Держась за голову, он воскликнул: "Нет, не могу. Понимаете, она еще говорит речь и прощается с солдатами".

Вторым взяли Бориса Меца. Он подошел

*) Много товарищей, сидевших в ту пору в Одесской тюрьме, читали письма Бельского, Шерешевской и раввина. Буду очень признательна, если они пополюют мои проблемы.

*) Пристав Панасюк был убит взрывом бомбы 7 мая 1907 г. в Одессе крестьянином Чирковым, членом боевой организации Южно-Русского Областного Комитета партии С.—Р.

го мне, обнял, поцеловался со мной и, улыбаясь, сердечно сказал: "Зайт-гезунт". (Будьте здоровы)...

Ясность лица и спокойствие голоса потрясли меня.

Я едва стоял на ногах.

Пришли брать третьего. Только он один не шел добровольно. Забили в угол кареты и не хотел выходить. Его взяли силой..."

Прочла неожиданно вылившиеся воспоминания.

Я не задавалась никакими целями, когда их писала. Нахлынувшее минувшее давило силой, яркостью и непроизвольно вылилось на бумаге.

Впервые сегодня, после "похмелья", возникло желание сохранить написанное, как исторический документ.

Тем острее чувство неудовлетворенности от прочитанного.

Как беден оказался мой язык для увековечения вашей памяти, светлые друзья мои.

В 1903 году Шерешевская-Вайсбаум была исключена из 7-го класса Белостокской гимназии за подпольную анархическую работу в рабочих кружках. Ей тогда шел 19-й год.

Моисей (Борис) Мец рабочий столяр, 22-х лет, вступил в группу анархистов-коммунистов в 1903 году.

В начале 1904 года Шерешевская и Мец были арестованы в Одессе по делу анархистов-коммунистов. Через несколько месяцев освободились и вновь окупились в работу.

Наступил столь богатый событиями 1905 год. После 9-го января работа стала особенно оживленная и интенсивная. Рабочие кружки разрослись. Потребность в литературе, в листовках огромная. Нужно их писать, печатать, распространять. Нужно организовать новые и вести работу со старыми кружками рабочих. Нужно держать связь с рабочими других городов. Работы по горло, а сил, как всегда, мало. Шерешевская и Мец в числе других работали до самозабвения. В конце февраля 1905 года Шерешевская и Мец были вновь арестованы в Одессе по делу анархистов-коммунистов. В июле месяце то-

го же года за бунт политических в тюрьме, Шерешевская и Мец, в числе других 200 заключенных высылаются из Одесской тюрьмы по разным тюрьмам средней полосы России. Мец и Шерешевская попали в Орловскую тюрьму. Там их застала революция, и откуда они были освобождены по манифесту 17 октября 1905 года.

22—23 октября Шерешевская и Мец освободились. В эту пору революция была уже убита царскими палачами. Разгул еврейских погромов и избивание интеллигенции был в разгаре. Рабочие десятками тысяч по всей России выброшены за борт, лишённые работы и обречённые с семьями на голодную смерть. Огромная часть передовых рабочих заключена по всем российским тюрьмам. Настроение подавленное, жуткое. Ко времени приезда Меца и Шерешевской в Белосток там ждали со дня на день погрома. Белостокские были в панике. Белостокские анархисты, побывавшие в Варшаве, передают факты гнусного издевательства буржуазии и власти над побежденными рабочими. Указывают, между прочим, в Варшавской газете заметку, оповещающую о готовившемся по какому-то случаю празднике буржуазии, пир назначен в роскошном кафе-ресторане "Бристоль". У анархистов-рабочих возникает план напомнить буржуазии, что праздновать победу на костях и крови замученных рабочих — рано, что на спетому гнусного произвола и насилий власть имущих они вынуждены ответить систематическим террором. Трое анархистов рабочих: Мец, Нотка и Лялька решили первый крупный антибуржуазный террористический акт приурочить к празднику буржуазии в кофейне "Бристоль". Шерешевская тоже участвует в этом акте. Приблизительно в первых числах ноября кафе-ресторан был взорван вместе с пирующими победителями. Акт удался; участникам, с помощью варшавских товарищей, удалось скрыться.

В первых числах декабря 1905 года Мец, Шерешевская и Осип Белевский, по тем же мотивам участвуют в аналогичном же террористическом акте, взорвав в Одессе кафе Любана. Через 5 дней после взрыва участники акта были арестованы. По принципиальным мотивам они отказались, как от показаний на допросах, так

и от защитников на суде.

В виду отказа от дачи показаний следственные власти, составляя обвинительный акт, руководствовались внешними признаками арестованных: раненых отнесли к активным участникам акта, а нераненых к укрывателям "преступников". Приговор был заранее вынесен. Суд был

простой формальностью. Так как Шерешевская, Мец и Бронштейн (Осин) были ранены, то их признали виновными в прямом участии и приговорили к смертной казни. Судил их военно-окружной суд 1-го ноября 1905 года.

В ночь на 15 ноября их казнили.

СКАЗКА.

В той стране, где свирепствовал долгие годы холод и непогода, где казалось, живой души не сыщешь — так все сковал морозом злой, трехсотлетний дракон, в каменном, красном снаружи и черном внутри склепе, многие годы томился, связанный железом рыцарь воли — подснежник.

Так и под суровым снегом заложена, хранится искра горячего пламени, и так зарождается первый цвет ранней весны — горный подснежник.

Наглая рука владыки-дракона срывает свирепой волей свободный рост свободного порыва тех немногих, что выглядывают на светлый простор из подземного царства.

И подснежник через-чур резок для окружающей природы, слишком рано расцветают эти первоцветы, и они должны умереть, не видав длинного солнца Свободы, не распустившись в полный свой наряд, цвет жаркого полдня и яркой зари.

Но слишком долго лежал снег на горах и в долине, уже много сорвано подснежников и тяжело было их прозябание и вот, когда накопились веками сохраняемое под толстым покровом снега, горячее дыхание и кровь срываемых цветов, растаял с шумом снег, с треском ломались ледяные горы и рушились в долину, затопляя всех, кто еще не поднялся на гору, а вершина заадела, зазеленела и покрылась красивым ковром первоцветов.

Стены подземелий и тюрем дрогнули и раскололись: подснежники ринулись на волю и видели их по всей земле; но им не хватало горячего воздуха и солнца вершинного, они были малокровны для долины, и братья земли не понимали их.

Один из таких цветков-рыцарей, после смерти злого дракона, вылетев, неожиданно расплыв вью, еще не совсем доканала его удручающая долина, и пошел он искать между степен тропинку на гору.

И видел он среди степен прожорливых животных — слуг драконовых, что не могли забыть привычек рабских и ужаснулся; и люди не терпели его, а тропинка и заоблачное царство была завалена трупами погибших и погибающих рыцарей воли во время освобождения их из-под снега-тюрьмы.

Тяжко было вышедшему рыцарю. Часто он сталкивался в дороге с людьми-одиночками, что не оторвались еще от земли, но тянулись к вершинам и шел некоторое время одной с ними дорогой, думая скорей найти заветную тропу, но чужд был для них и скоро расходился и оставался, как раньше, один.

Как-то раз, после долгих блужданий, он повстречался с дикой фиалкой совсем оторвавшейся корнем от глубокой долины, которая металась и рвалась куда то, не зная пути, не зная высот.

И вместе с фиалкой направился рыцарь-подснежник в хрустальную высь, думая, что она не потеряла инстинкта земли и будет ему путеводным товарищем до подошвы горы, откуда вместе потанутся в путь.

Так шли они, долго-ли, мало-ли, сказка про то умолчала, но стала фиалка, долинный цветок, уставать, головку иногда опускать и силы терять, — не могла она верить в вершину о которой поведал рыцарь родной и душа ее тосковала.

Так шли они тесно обнявшись и вдруг поняли, что не подняться им на вершину, но хо-

телось им верить, что тропинка найдется, и они увидят близкое солнце и узнают радости жизни.

ФIALKA все реже головку свою поднимала и все чаще и чаще ее опускала и все ближе и ближе прижималась к подснежнику; долинная жизнь ее обезволила, жить и бороться она не могла, а подснежник еще прорывался к высотам, умирать не хотел, но силы его слабели и почва из под ног ускользала.

Все сильнее сжимались подснежник с фIALКОЙ, все ближе прижимались друг к другу, они уже шли по тропинке, но воздух становился все реже и реже...

Задрожала фIALKA, заметалась в тоске и пелу подснежник умерла не достигнув вершины.

Рыцарь, окрыленный последним движением

фIALКИ, быстро поднялся с земли и понесся к вершине.

Вот она долго-жданная, светло-прекрасная. Но не успел опуститься на почву родную, сил совершенно лишился от радости и долгих скитаний, и мертвый скатился в долину, рассыпался в искры и своими лучами многих поранил людей, что жили в пещерах на поляне...

И до сих пор, люди со страхом и трепетом, а иные с надеждой чудесной ожидают падения с высот одиноких: ведь тропинка к вершине не ложь, она не утопия, и бьются сердца геселей и живется вольготней, а сказку про рыцарей воли детям своим повторяют и песни слагают им в бурные дни.

Анд—ре.

К Л Е В Е Т Н И К А М .

(Надгробная эпитафия).

Кадетам, меньшевикам, большевикам
и вообще всем гробовщикам Русской Революции.

Нет, не пойму вашей глупости, злые клеветники!

Если солнце сверкает, зачем говорить, что нет?

А Анархия солнце; ее ослепляющий свет

Выше ваших разсудков и вашей изгноенной этики.

Выше века продажного вечно трусливо-дрожащего.

Пришла, так грубо загрязненный вами, Свободы венец,

Пришел возвестить ваш печальный конец.

О, рутинные жабы мешанской трясины! о, тени покоя мертвящего!

Вы убийственно-жалки в своей кропотливой работе!

Вы, как гады, как черви, копаясь в зловонной грязи,

Злобно строите мрачные склепы для мысли, воздвигаете ей эшафоты;

Суеверье и Бог, Деспотия и рабство — неизменные символы поднятой
вами борьбы.

Но поймите, поверьте: нельзя безнаказанно дразниться с Титаном,

Мрамор восторженной мысли нельзя молотком вандализма кромсасть.

Совы, клеветники, совы не в силах бороться, с зажженным солнцем
лучами;

Они лишь по темным углам словно парии злые ехидно шипят.

Но удар!.. но гроза!.. разбегутся испуганно тучи!..

Солнце, знаю я, верю и жду! солнце будет янтарно гореть!

О клеветники-совы, поверьте, для вас было-б лучше,

Не окончив борьбы, не дождавшись грозы от стыда умереть.

Анатолий Консе.

АНАРХИЗМ И АНТИСЕМИТИЗМ.

Станным, пожалуй, покажется читателю сопоставление этих двух понятий: анархизма, единственного идейного движения, не принесшего дани ни кровавому идолу диктатуры, ни звериному богу капитализма и... антисемитизма — этого испытаннейшего орудия угнетателей всех стран и времен.

Обстоятельства печальной жизни все же вынуждают нас посвятить этой теме несколько строк.

Антисемитизм таил в себе неисчислимые выгоды для всех тех, кто налагал ярмо власти на народные массы; он всегда и везде служил отводным каналом для гнева и мук народных. И рыцари средневековья, и русские цари, и европейские демократы — прибегали к антисемитизму, как к прекрасному средству для обмана масс, для их усыпления.

И во все времена, у всех властей было одно и то же хитроумное дьявольское средство — испить свою кровь кровью еврейских масс; подымались трудящиеся всех стран и народов; восставало, бурлило великое море народное; грозен был призрак мести и гнева миллионов и миллионов умученных сильными и богатыми...

И тогда тираны и властители вынимали из проклятого арсенала средневековья, испытанное орудие антисемитизма: в зависимости от обстоятельств — евреев обвиняли то в лихоимстве, то в умерщвлении христианских младенцев, то в отравлении питьевой воды или в порче хлеба...

И свершалось обычное действо: кровожадные попы и помещики, лютые капиталисты добивались своей цели: в волнах еврейской крови топила темная народная масса свое неизбежное горе, свои неисчислимые страдания...

Цель была достигнута, говорим мы: за кровь богатых и сильных платили кровью своей еврейские массы.

Века сменялись. Орудия бойни и мести, орудия позора и угнетения стали тоньше, изысканнее, "художественнее". Буржуазная демократия использовала анти-семитизм, как модель, по образцу которой она создала международную ненависть, возбуждала один народ против другого.

Эти цепи ненависти сковывают и донныне волю народную; они связывают воедино всех членов нации; не дают возможности угнетенным восставать против угнетателей своей же нации; возмущение и гнев народный эксплуататоры отводят на другие народы; в национально-шовинистическом угаре хотят они угасить искры сознания в умах стана народного.

"Есть враги внешние и внутренние" твердят всегда властители; враг внешний — народы-соседи; враг внутренний — все те, чьи головы можно выдать вместо своих.

Полицейская Польша, "демократическая" Германия, уголки царской России — Литва и Латвия — все они прибегают до сих пор к антисемитизму, как к щиту, парирующему удары масс...

Повторяем — современный антисемитизм есть лишь одна из форм национально-шовинистического, угарно-патриотического плача; и да не придет кому-либо в голову, что демократия — эта новейшая система издевательств и насилия — свободна от грехов антисемитизма — она нарядила свой антисемитизм лишь в иную, более подобающую ей тогу — прикрыл его пышной национальной фразеологией, выкриками об экономической спайке всех членов своей нации и т. д. Но во всяком вопросе надо различать его теорию и практику. Как жестоко платимся мы порою за то, что не отделяем, не отличаем этих мнимых сестер! Слова, лозунги, пароли часто являются лишь завесой над ным действием. Так и в антисемитизме есть своя практика и своя теория; в теории — гонения на еврейский народ; на практике — гонения лишь на еврейских трудящихся и бедняков; буржуазия всех стран связана между собою узами братства; это — выкормыши одной матери-волчицы. Бывает, что и братья спорят между собою при дележке добычи — и капиталисты разных стран идут войной друг на друга; чаще всего, впрочем, дележ добычи, награбленного народного добра не вызывает среди них разногласий: тогда капиталисты стремятся скрыть полюбивший дележ от глаз и умов миллионных масс; развешивается кровавая пелена мировой бойни,

гремят орудия, свистят пули, шипят шрапнели и под звуки военной музыки, проклятия и стоны умирающих — свершается гнусный дележ добычи, идет учет дивидендов металлургических и иных компаний на долю которых, при обилии военных заказов, выпадают чудовищные барыши...

Во всей этой чумной вакханалии, на этом пиру разбойников — принимает участие и еврейская буржуазия. В дележе добычи она, как бестерриториальная, безгосударственная — самая слабая, хоть по хищническим инстинктам своим и одна из наиболее голодных на хлеб трудящихся.

И она платит дань за свою слабость: выплачивает откуп, откупается деньгами ограбленного еврейского люда. Она служит за страх и за совесть своему государству; она — верный вассал его, неизменный пайщик; она — государственный откупщик, оплачивающий казне и правителям право свое сдирать шкуру с еврейских бедняков и еврейских трудящихся. Для нее антисемитизм порою даже выгоден: неистово вопя и крича об единой судьбе всех евреев — и богатых, и бедных — она душит голос протеста бедняков.

Гонения на еврейский народ, экономический бойкот евреев — таким образом, жестоко ударяют по спинам еврейских тружеников — ничем почти не нарушая буржуазное довольство еврейских богатей и их приспешников. Тут то и отражается вся сущность национализма: ведь то, что кричит истошным голосом еврейский буржуа еврейскому бедняку, то орет на ухо и буржуа всякой нации своему угнетенному, своей жертве.

Современный антисемитизм есть лишь форма национально-капиталистического шовинизма, порою облачающегося в одеяния т. н. социалистического национализма, мало что изменяющего в ходе событий ибо приять государство — приять нацию, приять собственность и, вместе с тем отречься от антисемитизма в той или иной форме — абсолютно невозможно.

Ведь от того, что на банке с ядом появится надпись "лекарство" — яд не потеряет своих губительных свойств. И приять сущность старо-

го строя — значит приять наследство подлых попов, помещиков и фабрикантов; социалистический ярлык на буржуазной сущности — есть лишь новая усовершенствованная форма капиталистической лжи, апостолами которой являются бледные рыцари второго Интернационала; напрасны, тщетны, никчемны их выкрики о "братстве и свободе" — прирав весь комплекс капиталистического бытия — они получают в дар и эту столь ценную жемчужину в корне капитализма — антисемитизм. Он, сотый раз повторим, получит новый халат; американские Гомперсы — эти типы "рабочей аристократии" дали уже новую плоть своему антисемитизму — в своих циничных иммиграционных законах.

Ну, а пролетарское государство, скажут, неужто и оно плывет по этому пути? Мы утверждаем, что антисемитизм берет свое начало в глубочайших недрах строя властвования.

Власть, как объект — имеет всегда своего субъекта, т. е. носителя власти — человека или коллектива людей.

"Нет бога, кроме бога, а Магомет его пророк" — говорит Коран.

"Нет власти, кроме власти, а патриот ее пророк" — сказали бы мы, перефразировав Коран.

Мусульмане возятся с своим богом, а патриот всегда будет няньчиться с властью, как купец с мощной. Ибо, что власть без нации, а нация без власти? Да то же, что собака без хвоста, пль поп без кадила...

Пролетарское государство не может быть, не может стать пролетарской семьей. Держась за власть, цепляясь за нее острыми когтями своими — оно цепляется и за нацию. Как капиталисты делят добычу, так и российская диктатура устраивает дележ власти. Всякая нация — скажем в данном случае, "пролетариат" всякой нации — получит свою нагайку. Ею он, в конечном счете и будет стегать по спинам ионациональным.

Носители власти — кто бы они ни были — всегда должны иметь свою властвующую клику, своих попутчиков, своих верных лакеев. Лакеям и попутчикам они всегда дают компенсацию — это право частной собственности. Новая бур-

жуазия грядет на смену старой: смена актеров — тождество ролей.

Эта священная тропка и создаст во всякой "пролетарской" стране анти-украинизм или анти-германизм и т. д. — и в каждой из них будет, конечно, и антисемитизм, как сочное, полнокровное, цельное проявление национальной и экономической нетерпимости. И разве лучше станет от того, что еврейский пролетарий будет гоним пролетарием же или теми, кто наречет себя властвующими вождями пролетариата? Нет, так будет еще хуже; то будет болезнь органическая, безысходная.

Антисемитизм — в явной или скрытой, неприглядной или ряженой форме есть типичное красочное проявление системы властвования; всякий сознательный рабочий, борющийся с мировой язвой — властью — не может не бороться с антисемитизмом; подкакивая ему, поощряя в душе своей еще не совсем изжитые инстинкты старого звериного мира; вкушая ужасный яд антисемитизма — он становится в ряды холопов капитализма, в войско его наймитов и хо-

луев...

Попам всех наций, живодерам всех стран, слащавым патриотам националистических клоак, красным и желтым жандармам капитала, гнусным лизоблюдам господских столов анархизм объявляет смертельную борьбу.

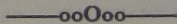
Честным труженикам всех народов и стран, угнетенным пролетариям мира несет он идею великого братства людей.

Еврейский труженик глухих, заброшенных местечек Литвы и Польши; еврей-бедняк Нью-Йоркских трущоб, на равных правах и равных началах войдут в мировой стан анархизма...

Честный рабочий не может, не должен запятнать себя позорным пятном антисемитизма; братский привет понесет он всем угнетенным властью и собственностью...

Пролетарии всего мира, трудящиеся всех наций — наши братья; капиталисты всех стран, попы всех религий, тираны власти и их агенты — наши враги!

В и й .

МЫСЛИ

ЗАПИСАННЫЕ ЭМИЛЕМ АНРИ ПЕРЕД КАЗНЬЮ.

Чего желают анархисты? Автономии личности, возможности свободного развития своей инициативы, как необходимых условий для счастья. Анархист допускает коммунизм как идеал общества, потому что сознает, что свое собственное счастье он найдет в счастье всех людей, свободных и автономных, как и он сам.

* * *

Я полагаю, что насильственные акты возмущения достигают своей цели, потому что они будят массу, заставляют ее встрепенуться, как от удара кнутом и показывают ей слабую сторону буржуазии, которая дрожит еще даже в ту минуту, когда мятежник приближается уже к эшафоту.

* * *

Тому, кто говорит, что ненависть не порождает

любовь, скажите, что любовь часто порождает ненависть.

* * *

Ненависть, если только она вызвана не изгой завистью, а благородными мотивами, — здоровое, сильное и живительное чувство.

* * *

Одно право стоит выше всех остальных — право восстания.

* * *

Современное общество похоже на корабль, который погибнет во время бури, потому что во время не захотели освободиться от груза, накопленного в течении долгих веков плаванья; в состав его входят и драгоценные вещи, но они слишком тяжелы.

* * *

Чем больше мы любим свободу и равенство, тем больше мы должны ненавидеть все, что мешает быть свободными и равными.

* * *

Правда, что люди представляют собой плод учреждений, но последние сами по себе ничто иное как абстракции и существуют на самом деле только пока их представляют живые люди. Следовательно, чтоб бороться с учреждениями, надобно бить представляющих их людей.

* * *

Я люблю всех людей как человечество и за то, что они должны бы быть, но презираю их за то, что они есть.

* * *

Наконец я имею право выходить из театра, когда пьеса начинает влиять мне отвращение, и выходя даже хлопнуть дверью, рискуя обеспокоить тех, которые ею довольны.

Эмиль Анри.

Б Ю Л Л Е Т Е Н Ь .

ОБЪЕДИНЕННОГО КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В РОССИИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

№ 8.

Сентябрь 1924 года

Берлин.

ОСТРОВА СМЕРТИ.

Последние недели приносят нам все более и более тревожные сведения о трагическом положении заключенных в Соловках. На днях наш Комитет отправил в разные места (в Нью Йорк, Париж, Вену, Милан, Буэнос-Айрес) телеграфные сообщения следующего содержания:

"Вследствие ухудшения тюремного режима (перевод на уголовное положение) вспыхнул тягостный конфликт между заключенными и администрацией Соловецкого лагеря. Голодовка 300 социалистов и анархистов неминуема. Протестуйте, требуйте немедленной ликвидации Соловецкого лагеря". Те же сведения были нами сообщены всей печати рев. синдикалистов, анархистов, унитаристов, германских левых коммунистов и германской партии Независимых социалистов. Большинство этих органов печати перепечатаало этот протест, причем официальный орган германских анархо-синдикалистов сопроводил его следующим призывом: "Мы призываем наших товарищей созывать везде собрания протеста и оповещать рабочих на всех фабриках о гнусных действиях советского правительства". В са-

лонском органе Независимых социалистов "Свобода" на первой странице (№ от 29/VIII) помещено воззвание партийного комитета и редакции органа: "Не касаясь отдельных мест пыток на Урале, в Нарыме, в Зырянском краю и в сотне других мест, мы сегодня обращаем внимание на одно из самых отвратительных мест заключения, на Соловецкий лагерь.

Не "буржуа", не белогвардейцы и не реакционеры страдают там. Подвергаются мучениям свыше 300 социалистов и анархистов всех направлений, среди которых находятся испытанные борцы против капитализма и царизма. Мы в Германии вместе с коммунистами боремся против классового суда и можем по праву требовать от правительства советской России упразднения Соловецкого лагеря".

На днях пришли еще более определенные сведения: Заключенные в Соловках подали 20 августа с. г. заявление с требованием приезда из Москвы комиссии для урегулирования вопроса о зимовке на Соловках или перевода на материк. После событий 19 декабря 23 года положение политических заключенных все ухудшается.

ся. Кронштадтских матросов и высланных после чистки студентов переводили на уголовное положение. Постановлено на уголовное положение перевести свыше 300 политиков. Выдаваемые 17 коп. на человека недостаточны для прокормления, поэтому комендант заявил, что все политики переводятся на самоснабжение. Таким образом предстоит заготовка дров зимой (а одежды теплой нет), вывозка нечистот и т. д. Отношение надзора, набираемого из уголовных, к политикам самое скверное. Вторую зиму выдержать невозможно. Если не изменится режим, который прямо можно назвать режимом физического истребления политиков, то возможна какая либо катастрофа. Если через семь дней (т. е. до 27 августа) Москва не даст совета, т. е. не вышлет комиссии будет объявлена голодовка всех 300 человек."

Перед нами стоит мучительный вопрос: не началась ли уже голодовка?

По полученным ранее сведениям (частично уже опубликованным) в конце июля 50 человек (40 с.-д. и 10 с.-р.) после окончания ими срока ссылки отправлены на Анзерские острова (12 верст от Соловков). Настроение заключенных чрезвычайно тяжелое. Среди них до 40 % больных. Есть 3 психически больных.

Режим террора и цензуры в России настолько силен, что только теперь удалось получить сведения об обстановке драмы, совершившейся 19 декабря 23 г. в Соловках. 19 декабря староста политзаключенных получил распоряжение от коменданта Ногтева сообщить заключенным при переключке, что пребывание во дворе разрешается им не до 8 часов, как раньше, а только до 6 часов. Распоряжение это было понято так, что оно входило в силу со следующего дня. В без пяти минут шесть, когда ничего не подозревавшие заключенные находились частью во дворе, частью в камерах, без всякого предупреждения раздалась команда начальника стражи "или!". Раздался залп. Но никто не был ранен. После этого раздалось еще несколько залпов по команде: "стрелять по живой мишени". В итоге — восемь раненых, из которых пять умер-

ло через полтора часа, один (Попов) через полтора дня. Все умерли в больших мучениях. Большевицкое правительство, как известно назначило было даже комиссию по расследованию под председательством Катаньяна и Смирнова. Комиссия эта до сих пор еще и не двинулась с места.

Следует добавить, для более яркой характеристики большевицкого режима, что тюремный комендант получил, после этого дикого расстрела повышение по службе. Он занял ответственную должность в московской Че-ка.

За один год в Соловках понесли революционеры следующие жертвы: 6 убитых, 2 раненых, 2 покончили с собой (Сандомирский и Аронович) и 3 психически больных (Егоров, Крюков и Ефимов).

ТРЕВОГА СРЕДИ БОЛЬШЕВИЦКИХ АГЕНТОВ ЗА-ГРАНИЦЕЙ.

Энергичная деятельность по защите политических заключенных в России, развитая Берлинским Объединенным Комитетом и Парижской Группой Защиты вызвала открытую тревогу в руководящих кругах французских большевиков. Если им в свое время было легко отбивать атаки меньшевиков и правых с.-р. за-границей, обзывая их "контр-революционерами", то положение прислужников Москвы во Франции стало труднее перед лицом кампании, в которой руководящую роль уже играют левые элементы рабочего движения, целиком, приемлющие Октябрьскую революцию (рев. синдикалисты, анархисты, лев. социалисты всех категорий). Верхушка Унитарной Конфедерации Труда, находящаяся сейчас в руках коммунистов, спешно отпечатала полную фальсификации и неточностей, в свое время наспех изданную в Москве в июне 1920 г. (во время голодовки анархистов в Таганской тюрьме) брошюру Яковлева. Вся эта брошюра печатается длинными простыми на страницах официального органа Конфедерации "Рабочая (?) Жизнь".

Но большевики тщательно избегают дать объяснения по тем конкретным обвинениям в злодействах (Соловки и т. д.), которые им неус-

танно представляются левыми рабочими элементами Франции. Конфедерация разослала по всем синдикатам циркуляр-манифест с требованием распространять ее "верные" сведения среди рабочих, для изобличения "живой кампании контр революционеров". По этому поводу парижский орган анархистов "**Le Libertaire**" пишет: "Защищая революционеров в России, мы защищаем революцию. Мы ждем, чтобы нам дали сведения о Марии Спиридоновой, которая также, как Ленин, Троцкий или Зиновьев была жертвой царизма, больше 10 лет провела на каторге и сейчас опять пленница большевиков. Мы ждем, чтобы нам дали сведения о Бароне и о стольких других, которых расстреливают в советской республике потому, что они восстают против капитализма. В то время, как делегаты большевиков присутствуют в Лондоне на высочайшем выходе короля Георга V, в то время, как Муссолини, вырезающий представителей рабочего класса, получает поздравления от "пролетарских" диктаторов — они еще обладают цинизмом издеваться над людьми, которые не поддались разложению и шаг за шагом оттаивают остатки завоеваний рабочего класса."

Эта же работа по обелению Кремлевского правительства предпринята и в Америке. В органе коммунистов "Свобода" появились "разоблачения" Маурина, который в оправдание большевиков приводит свидетельство самого... Дзержинского. "**Freie Arbeiter Stimme**" от 8/VIII дает резкую отповедь этому славослову московской чехи.

ХРОНИКА РЕПРЕССИИ.

По полученным сведениям в Харькове снова произошли большие аресты. Среди арестованных анархистов находятся т. т. Пуда Рейдман, Борис Липовецкий (был до революции в Чикаго деятельным работником Индустриальных Рабочих Мира) и др. Арестовано несколько правых с.-р. и меньшевиков. В Киеве арестованы многочисленные рабочие, группа анархической молодежи и несколько старых товарищей. Между ними ан.-комм. бывший каторжанин Нухим Дрикер, быв. каторжанка Ольга Гартутта, поэт Ана-

толь Консе и др. Большинство арестованных нуждаются в самом необходимом. Есть легочные больные.

Ефрем Рубинчик, о голодовке которого мы сообщали, сослан в Томск.

Нам сообщают об аресте в Харькове начальника штаба Махно — Виктора Белаша.

Т. т. Рейдман, Липовецкий, Белаш и некоторые другие отправлены пока в Архангельскую ссылку. Часть анархистов, арестованных в Киеве, направлены в московские тюрьмы.

Т. т. из России обращают внимание на тяжелое физическое состояние анархистки Марии **Верег**: у нея в сильной степени цынга, так что все зубы сочатся кровью. Еще в августе 1923 года, когда она находилась в Петроградской тюрьме, тюремный врач ей сказал, что пока она в тюрьме ей помочь невозможно.

Левый с.-р. Лихтенбаум сидит сейчас в тюремной одиночке в Костроме с 16 мая, куда его неожиданно выслали.

В Москве 28 июля в народном суде Хамовнического района судился за "подделку документов" Серебряников, студент Московского Лесного Института. По изложению "Правды" 24 апреля на вокзале был найден портфель Серебряникова, в котором между прочим оказалась прокламация партии лев. соц.-рев. интернационалистов под заголовком: "Открытое письмо к революционному студенчеству", которое начиналось словами: "Товарищи, год тому назад коммунистическая партия объявила поход на высшую школу..." за подписью "Московская организация лев. соц.-рев. интернационалистов". Здесь же в портфеле были обнаружены и поддельное удостоверение на имя красноармейца Баскалова.

Суд принял во внимание первую судимость Серебряникова и, найдя обвинение в фабрикации документа доказанным, применил к нему 36-ую статью кодекса, приговорив его к лишению свободы сроком на шесть месяцев условно, если он в течение трех лет не совершит аналогичного преступления.

На **Ижевском** заводе (Урал) арестован ряд рабочих, старых максималистов: Федор **Конаулин**, Николай **Анисимов**, Павел **Городилов**, Кунгуров и Семенищева. Против них возводится

провокационное обвинение в создании ими боевой дружины.

В Витебске арестованы лев. с.-р. **Мартинковский** и **Максимов**. В Ленинграде сидит 11 человек лев. с.-р. из Новгородской организации. Их обвиняют в организации (?) террористического акта против председателя местной чека.

В Воронеже арестована после чистки групп

из студентов: **А. И. Логачев**, **И. Н. Долгих**, **А. А. Коренева**, **А. Быстрыков**, **С. С. Грацианский**, **М. В. Дубинкин** и **В. С. Васильев**. Всем грозит высылка из симпатии к лев. с.-р.

Л. с.-р. Панибратцев из ссылки в Усть-Куломе (Вологодской губ.) выслан еще дальше в деревню Аныб, где нет ни почты, ни телеграфа.

Секретарь Комитета **М. Мрачный**.

ОТЧЕТЫ И ЗАЯВЛЕНИЯ.

ОТЧЕТ ФЕДЕРАТИВНОГО СЕКРЕТАРЯ ОТ 1 АВГУСТА ПО 1-е СЕНТЯБРЯ 1924 Г.

ПРИХОД:

За "В."

Мон. Канада	7.50
Дет — т	8.50
Ванкув. Тов. Р. Сам.	3.45
Гриш.	1.50
Н. И.	8.55
Пор. Колб.	4.00
Мек. К. Рок	7.50
Дет. Инт. Б—т	17.00
Фол.	13.50
Е. Смолян-ов	0.90
С. Гуль-ик	1.00
Брумфильд	3.75
М. К. Рок 7.50	7.50
Н. Фол.	5.00
Итого —	74.55

День Рабочей Печати.

Н. К — г	5.00
Общий приход —	79.55

РАСХОД:

Выпуск журнала "В." № 56. 159.00

Рассылка	15.20
Мелкие	0 50
Итого —	174.70

Общий приход — 79.55

Общий расход — 174.70

Дефицит — 95.15

— 0 —

ЗАЯВЛЕНИЯ РЕД. КОЛЛЕГИИ.

1) Обращаем внимание товарищей на цифру дефицита. При таких условиях выход журнала очень тормозится. А между тем многие группы уже давно не производили расчетов за журнал. Поэтому просим товарищей рассчитывать за проданные номера журнала своевременно, чем они и журнал поддержат, и нас избавят от необходимости делать подобные заявления.

2) Всех товарищей, у кого сохранились номера журнала "Волна" от 1-го по 10-й, просим прислать таковые в Федерацию. Не откладываяте т-щи и не ссылайтесь, что кто-либо пришлет, а у кого есть вышеупомянутые номера присылайте, в настоящее время в них большая потребность.
